Оглавление

Тяжкий урок истории	1
1. «Мердека!» – значит «Свобода!»	3
2. Революция защищается.	9
3. Сталинское напутствие коммунистам Индонезии.....	14
4. Единый фронт и «направляемая демократия».....	19
5. Можно ли примирить непримиримое?.....	24
6. В чьих руках оружие?	28
7. От неприсоединения – к «новым нарождающимся силам».	33
8. В параллелограмме сил: Вашингтон – Москва – Пекин – Джакарта... ..	38
9. Специфика революционной ситуации.....	43
10. Перед взрывом.	48
11. Проигранная схватка.	55
12. Катастрофа.....	62
13. Кому выгодно?.....	67
14. От фашизма – к «диктабланде».	71
15. Индонезийская контрреволюция как катализатор кризиса мирового социализма.	76
16. Полигон современного фашизма.....	83
Заключение. Смеем ли мы побеждать?	90

Тяжкий урок истории

К 50-летию антикоммунистического геноцида в Индонезии.

Мы должны постоянно проверять себя, изучая цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатах. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра.

В.И. Ленин¹.

Для победы индонезийской революции члены партии и народные массы должны вдохновляться единством патриотизма и пролетарского интернационализма. Индонезийская революция неотделима от других революций, совершающихся сейчас в мире, силы индонезийской революции являются частью прогрессивных сил мира, а их борьба – составной частью борьбы народов мира за национальную независимость, демократию и социализм.

Дипа Нусантара Айдит, Председатель КПИ.

Героический и трагический XX век видел немало кровавых дел империализма и фашизма. Нынешняя реакция старается стереть преступления своих предшественников из памяти

народов. Хозяева капиталистического мира, их наемные идеологи и продажные СМИ тщатся если уж не отмыть их добела, то похоронить под ворохом инсинуаций на тему «цены революции» – гражданской войны, красного террора, сталинских репрессий. Годится все, лишь бы скрыть от новых поколений главное: *чего стоила и стоит народам контрреволюция.*

Реакционная пропаганда спекулирует на избирательности обыденного сознания. Охранительное торможение уберегает мозг и сердце от перегрузок – до поры до времени так легче жить. Память «людей с улицы», погруженных в житейскую текучку, стихийно подчиняется принципу «с глаз долой – из сердца вон». Но историю не обманешь. В 30-е годы в Советском Союзе говорили: «Мир неделим», и эта истина, хоть и подзабытая потомками первопроходцев, становится лишь более актуальной. Не помнящие пройденного обрекают себя и других на его повторение.

Даже на фоне злодеяний мировой контрреволюции особо выделяется кошмар, охвативший полвека назад, осенью 1965 г., далекий от наших границ архипелаг по обе стороны экватора. По масштабам истребления лучших сынов и дочерей своего народа клика Сухарто перещеголяла белых генералов, Маннергейма, Хорти, Чан Кайши, Франко, Салазара и Пиночета, превзошла даже Гитлера. Ее «рекорд» – *самое массовое в истории истребление коммунистов.* Крупнейшая в капиталистическом мире *трехмиллионная* партия погибла почти полностью. Участь коммунистов разделили очень многие (точно никто никогда не узнает) из *семнадцатимиллионного* состава профсоюзов и других массовых организаций. По разным данным, было убито и казнено *от одного до двух миллионов* человек, не считая «бесследно исчезнувших» в концлагерях и ссылке. С учетом **арестованных, сосланных, лишенных гражданских прав и** их семей, репрессиям подвергся по меньшей мере каждый пятый из стомиллионной в те годы нации.

К палачам пиночетовской и прочих хунт в Латинской Америке применяют конвенцию ООН о геноциде – умышленном уничтожении целой социокультурной общности. Палачи Индонезии заслужили это обвинение еще больше. Пока, однако, его выдвигает не официальный орган правосудия, а общественный форум – «интернациональный трибунал народов», заседавший в Гааге минувшим ноябрем.

Тогда же в сенат США вносился проект резолюции о доступе к секретным архивам, до сих пор скрывающим даже от американских законодателей (!) документы о роли Вашингтона и его союзников в «преступлении века»².

Как моральный долг, так и актуальность антифашистских задач требуют от коммунистов решительно поддержать борьбу за осуждение геноцида прогрессивных сил Индонезии. В соответствии с прецедентом Международного трибунала в Нюрнберге, военные преступления и преступления против человечности не должны остаться безнаказанными. Виновников должно постичь справедливое возмездие или хотя бы посмертное юридическое и моральное осуждение. Должно быть сделано все возможное для восстановления правды и справедливости в отношении жертв геноцида, их родных и близких. Это помогло бы народам преодолеть последствия всех форм фашизма, поставило бы преграду на пути любых попыток его оправдания и реанимации.

Для коммунистов, достойных так называться, важно не только помнить погибших товарищей и их убийц. Еще важнее понять: как это могло случиться? Какие надо извлечь уроки, чтобы предотвратить подобное в настоящем и будущем?

1. «Мердека!» – значит «Свобода!»

История нераздельна. Ни одно событие нельзя понять и объяснить, не зная приведшего к нему пути. С чем же пришла Индонезия к середине 60-х?

Архипелаг из тысяч больших и малых островов по площади не уступает всей Западной и Центральной Европе. Земли, удобренные пеплом множества вулканов, необычайно плодородны. Большую часть страны покрывают тропические леса – бесценное достояние Земли, ее «зеленое легкое», сравнимое лишь с амазонским. Недра богаты нефтью, бокситами, никелем, оловом. Острова занимают стратегически ключевое положение на перекрестке морских путей вокруг Азии, а также между нею и Австралией.

Девиз герба независимой Индонезии – «Единство в многообразии» – отражает реальность. 150 больших и малых народностей, близких по культуре и наречиям, издавна звали родину «Нусантара» (точный перевод этого имени – «Островница» – дает русская летопись XII в.). История страны издавна отличалась интенсивностью и богатством международных связей. Феодалное общество формировалось под воздействием всех главных регионов Востока.

Переселенцы из Индии еще в Древности принесли образы «Махабхараты» и «Рамаяны», индуистскую и буддистскую веру; имя, данное стране уже в XX веке, буквально значит «Индийские острова». Подчас с войной, но чаще с торговлей приходили корабли из Китая; смуты в Поднебесной выплескивали на острова волны беженцев, и ныне здесь живут миллионы их потомков-хуацяо. С XV-XVI вв. стал брать верх ислам, принесенный арабскими купцами; индуизм удержался на небольшом острове Бали. Постепенно складывались предпосылки формирования нации. Средством общения стал малайский литературный язык.

Нусантара раньше большинства стран Востока стала жертвой колонизаторов – португальских, английских, французских голландских. «Помогли» княжеские междоусобия и религиозная рознь: большинство островитян исповедовало веру Мухаммеда, кое-где язычники сопротивлялись исламизации, некоторые народности миссионерам удалось обратить в католицизм и протестантизм.

Около трех веков большая часть архипелага оставалась «Нидерландской Индией». Крупнейшее антиколониальное восстание 1826-30 гг., сочетавшее лозунги свободы и равенства с зеленым знаменем ислама, потерпело поражение не только из-за военного превосходства врага, но и по классовым причинам. «Мархаэны» (простолюдины), поднявшиеся на голландцев по призыву ущемленной теми знати, стали затем выступать и против туземных эксплуататоров. Когда «народный султан» Дипонегоро решился отдать землю крестьянским общинам, князья помогли победить голландцам, но прежнего положения себе не вернули. Колониальное государство, воспользовавшись классовым конфликтом феодалов и крестьян-общинников, фактически экспроприировало тех и других. Князьям оставили титулы, платили пенсии, но и наделами, и налогами распоряжались уже голландские резиденты. Частью системы стали эксплуататоры помельче, сочетавшие в себе общинных старост, ростовщиков и помещиков. За обеспечение «порядка» им полагались должностные наделы, возможность поборов с крестьян и бесплатной эксплуатации их труда. Частная земельная собственность сохранилась в основном у исламского духовенства, с которым голландцы старались ладить.

Колонизаторы и их приспешники довели народ поистине «до последней степени человеческой крайности»³. Большую часть XIX в. применялась «система принудительных культур»: закрепощенных крестьян принуждали выращивать пряности, кофе, индиго. В стране, прежде обеспечивавшей себя продовольствием, колонизаторы организовали настоящий, а не выдуманный «голодомор», унесший миллионы жизней. Даже тех, кому как будто хватало еды, подстерегала бери-бери – смертельная болезнь от питания «белым» рисом, лишенным на паровых мельницах колонизаторов верхнего слоя, богатого витаминами (как говорили в народе, «души»).

«Достижения» голландских колонизаторов послужили Ф. Энгельсу аргументом против «государственного социализма» последователей Ф. Лассаля и Е. Дюринга. Они усматривали в любом огосударствлении, в частности в бисмарковской Германии, начало «введения социализма», которое рабочим надо поддерживать. Энгельс предостерегал, что переход средств производства в государственную собственность может носить как прогрессивный, так и реакционный характер – важно, *каким* государством и в чьих классовых интересах он проводится. «Если хочешь изучить образчик государственного социализма, – писал он А. Бебелю, – примером тебе может послужить Ява. Там голландское правительство на основе древних коммунистических сельских общин так недурно «социалистически» организовало все производство и так ловко взяло в свои руки продажу всех продуктов, что кроме приблизительно 100 млн. марок на жалованье чиновникам и армии, ему ежегодно остается около 70 млн. марок чистого дохода для уплаты процентов несчастным государственным кредиторам Голландии. В сравнении с этим Бисмарк – сущий младенец!»⁴

В начале XX в. Голландия, бессильная противостоять более крупным державам, была вынуждена «открыть двери» иностранному капиталу. Здесь сложился один из первых очагов формирования монополий транснационального типа. Именно в Индонезии возник англо-голландский нефтяной трест «Ройял Датч Шелл». В борьбу с ним вступила рокфеллеровская «Стандард Ойл»; основание ею филиала в Нидерландах В.И. Ленин приводил как пример начавшегося раздела мира межнациональными союзами капиталистов⁵.

Основой экономики стали экспортные плантации (каучук, чай, кофе, табак, сизаль) и горнодобывающая

промышленность (нефть, олово, бокситы, медь, никель), главными эксплуататорами – акционерные компании, контролируемые банковскими монополиями. Прежнюю систему государственной эксплуатации отменили. Крестьянам пришлось на кабальных условиях арендовать наделы у светских и духовных землевладельцев, а безземельным (на Яве не менее 30%) – наниматься на плантации, рудники, нефтепромыслы.

В условиях сверхэксплуатации, редкостной даже по колониальным меркам, пролетариат достиг значительной численности, а в портовых городах и на плантациях – высокой концентрации. В то же время национальная буржуазия формировалась медленно. «Нишу» компраторов заняли китайские и арабские купцы, захватившие и внутреннюю торговлю. Промышленных предприятий почти не было. Единственной отдушиной для среднего и мелкого «национального» капитала оставалось мануфактурное производство батика, но и оно полностью зависело от ввоза тканей и синтетических красок. Характерно, что его «защита» от поставщиков и посредников была целью первой туземной ассоциации – «Союза исламских торговцев».

Между колонизаторско-компраторским меньшинством и массой обездоленных сформировался тонкий слой низшего чиновничества и интеллигенции. Индонезийские разночинцы, остро ощущавшие расовую дискриминацию, возглавили антиколониальную борьбу XX века.

Показательно, что ленинская статья в «Правде», уже заглавием выражавшая обобщение планетарного масштаба: *«Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории»* – в основном посвящена «Голландской Индии». Вождь российского пролетариата констатировал: *«Начинаются обычные явления предреволюционного периода: возникают с поразительной быстротой союзы и партии... Рост демократического движения неудержим»*.

Среди антиколониальных сил Ленин ставил на первое место *«народные массы на Яве, среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем ислама»*. Речь идет об организации «Сарекат ислам» («Союз ислама»), которая возникла в начале 1913 г. на базе «Союза исламских

торговцев», но быстро стала формой организации эксплуатируемых масс.

От внимания Ильича не ускользнула и другая движущая сила начавшейся борьбы: *«довольно значительное китайское население на Яве и других островах перенесло революционное движение со своей родины»*. Подход к межнациональным отношениям надолго стал одним из факторов разграничения консервативно-клерикального и демократического направлений освободительного движения. «Союз исламских торговцев» видел в хуацяо только конкурентов, но низы, влившиеся в «Сарекат ислам», выступали против колонизаторов вместе с трудящимися-китайцами.

Еще об одной антиколониальной силе в статье говорится: *«Капитализм создал местную интеллигенцию из акклиматизировавшихся европейцев, которые стоят за независимость голландской Индии»*⁶. Таковы были истоки «Индийской партии», в 1912 г. впервые поставившей вопрос о подготовке страны к независимости и за это распущенной властями.

Начало проникновению марксистских идей положила в 1914 г. Индийская социал-демократическая ассоциация (ИСДА), объединившая голландцев и индонезийцев. По инициативе социал-демократов метрополии ИСДА получила полную организационную самостоятельность. Ленин, отстаивавший право наций на самоопределение, одобрял позицию нидерландских левых социалистов: *«Гортер, неправильно отрицая принцип самоопределения наций, правильно применяет его, требуя политической независимости Голландской Индии и разоблачая в измене социализму несогласных с этим голландских оппортунистов»*⁷.

Грозовой 1917-й ускорил размежевание и среди социалистов Индонезии. Правые вышли из ИСДА, образовав социал-демократическую партию. Левые, избравшие «русский» путь борьбы за национальное и социальное освобождение, сформировали из сочувствующих солдат и матросов трехтысячную Красную гвардию, подняли восстание на главной базе голландского ВМФ в Сурабае, приступили к созданию Советов. Восстание было подавлено, лидеры из европейцев высланы, «туземцы» брошены в тюрьмы. ИСДА заключила антиколониальный союз с «Сарекат ислам», левое крыло которой находилось под влиянием марксизма.

23 мая 1920 г. съезд ИСДА образовал Индийскую коммунистическую ассоциацию. Эта дата считается днем рождения Компартии Индонезии, хотя называться так она стала через четыре года. Уже летом 1920 г., на II конгрессе Коминтерна, индонезийских коммунистов приняли в его ряды как **первую** азиатскую секцию. На основе советского опыта упор делался на организацию рабочих; в сентябре 1921 г. родился первый профцентр. В партии объединились левые из ИСДА и «Сарекат ислам». Буржуазно-клерикальные лидеры «Союза ислама» навсегда разошлись с коммунистами.

Уже через пять лет КПИ смогла возглавить массовое антиколониальное восстание. Но этот подвиг выявил не только рост влияния партии, но и ее политическую неопытность. Отражая нетерпение обездоленных масс, молодые лидеры не посчитались с неравенством сил при спаде мирового революционного движения. Единый антиколониальный фронт был подменен «советско-социалистической» фразой. Затем восстание отложили, но рабочие и солдаты выступили стихийно. Поражение обрекло народ на новые жертвы, партию – на годы глубокого подполья.

Вакуум, оставленный запретом КПИ, заполнил новый поток освободительного движения с идеологией национализма. В Коминтерне его сочли выражением интересов национальной буржуазии, но та была столь слаба, что речь, скорее, должна идти о слиянии революционности мелкобуржуазного типа с широким движением крестьянских и рабочих масс.

Ведущим выразителем *«средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации»*⁸ выступил Сукарно, начавший политическую борьбу в «Сарекат ислам». Народ звал его «бунг (брат) Карно». Непреклонный приверженец независимости, блестящий оратор, знавший все струны души «мархаэна», он не хуже Ганди владел тактикой «ненасильственного сопротивления», но не исключал и вооруженной борьбы. Взгляды Сукарно испытали влияние марксистских идей. В принципе признавая классовую борьбу и объявляя целью социализм, в условиях Индонезии он считал нужным подчинять все национальному единству. Идеологическим обоснованием этой линии служил «мархаэнизм» (буквальный перевод «народничества»). Сукарно казалось, что почти все индонезийцы – «мархаэны», поэтому им можно и нужно прийти к согласию. Отсюда – упор

не на подчинение меньшинства большинству, а на достижение компромисса через консультации. Это касалось и отношения к религии. Сын мусульманина и индуистки, названный в честь одного из героев «Махабхараты», европейски образованный инженер, Сукарно стоял за веротерпимость, но одним из «пяти принципов» национального движения («панча сила») провозглашал «веру в единого бога». Свое мировоззрение он характеризовал как «марксизм без атеизма», во всем ссылаясь на волю Аллаха. Подобная эклектика объективно облегчала реакции травлю коммунистов как «безбожников».

Однако надо подчеркнуть, что сам Сукарно, в противоположность большинству националистов, всегда отстаивал единство действий с коммунистами. К нему, наряду с Сунь Ятсеном, можно в наибольшей мере отнести ленинскую характеристику: *«молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам демократия азиатских стран»*⁹.

В 1942 г. Индонезию оккупировали японские войска. Вторжение прикрывалось пропагандой об общей борьбе «всех народов желтой расы» против белых колонизаторов. Это не могло не осложнить отношений между отрядами национально-освободительного движения. КПИ, следуя антифашистским принципам, создала подпольную организацию «Движение свободной Индонезии». Сукарно и другие националисты согласились сотрудничать с японцами, рассчитывая легально подготовить взятие власти, а народу дать оружие. В конце войны японцам пришлось санкционировать создание Комиссии по подготовке независимости, куда вошли деятели антиколониального движения. Противоречивую роль сыграло формирование индонезийских войск: воевать с союзниками им не довелось, но офицеры и солдаты успели пройти самурайскую муштру и обработку в фашистском духе. Под японским командованием служили Сухарто и многие из его приближенных.

17 августа 1945 г., когда Квантунская армия была разгромлена советскими воинами, а Япония заявила о готовности капитулировать, Сукарно провозгласил Индонезию суверенной. Над бывшей колониальной столицей Батавией, теперь снова Джакартой, под клич Дипонегоро: «Мердека!» – «Свобода!» взвилось его красно-белое знамя.

2. Революция защищается.

Комиссия по подготовке независимости оправдала свое название, выступив учредительным органом нового

государства. 18 августа она утвердила временную конституцию. Провозглашались демократические свободы, право на труд; государство брало на себя контроль над землей, водами и другими природными богатствами, ключевыми отраслями экономики. Высшим органом власти объявлялся Народный консультативный конгресс. Глава государства – президент – становился также главой правительства и главнокомандующим армии. На этот пост Комиссией был избран Сукарно. При президенте создавался Центральный национальный комитет (ЦНК), вскоре наделенный правами парламента.

Различные социально-классовые силы смогли действовать легально. Крупнейшей партией вначале был Консультативный совет индонезийских мусульман (Машуми). Руководили им представители духовенства и помещиков, но он объединял также крупную и среднюю буржуазию, многих крестьян. Близка к Сукарно была Национальная партия Индонезии (НПИ), представлявшая часть мелкой буржуазии и крестьянства, интеллигенцию, чиновников.

Коммунисты, рассчитывая объединить как можно более широкие слои трудящихся, придерживались в то время тактики вхождения в формально некоммунистические организации. Наряду с созданием легальной КПИ, многие влились в Социалистическую и Рабочую партии. Деятельность в трех легальных партиях координировалась единым руководством – «нелегальной КПИ». Эти партии вместе с массовыми организациями – Союзом социалистической молодежи, профцентром, Крестьянским фронтом – имели в парламенте почти половину мест. IV съезд КПИ (1947) провозгласил курс на «построение социалистического общества».

Правительство социалиста Шарира, где важные посты занимали коммунисты, рассчитывало добиться международного признания путем компромиссов, используя межимпериалистические противоречия. Но взвешенный курс встретил противодействие «слева» со стороны группы интеллигенции во главе с Тан Малакой – бывшим представителем Коминтерна в Восточной Азии и Австралии, отошедшим от коммунистического движения. «Левые» выступили против «соглашательства с империализмом» и за «опору на собственные силы» посредством... федерации с Австралией (в те годы вообще не пускавшей к себе азиатов).

Высадившиеся осенью 1945 г. британцы попытались вернуть страну «законным хозяевам», но встретили упорное сопротивление повстанческих отрядов. Патриотов поддерживали коммунисты Нидерландов и других стран. Ведущие партии Индии требовали отзыва из Индонезии ее солдат – основы британского корпуса; индийские докеры бойкотировали суда интервентов. Англичанам пришлось убраться, но под их прикрытием уже была сформирована 100-тысячная армия голландских колонизаторов. Неблагоприятное соотношение сил вынудило левое правительство подписать своего рода «Брестский мир», согласившись на «союз» с Нидерландами. Это обеспечило республике признание де-факто Великобританией, США, Индией, другими странами. Но Машуми, НПИ, молодежные организации выступили против соглашения, требуя стопроцентной независимости. Колонизаторы предъявили ультиматум, кабинет Шарира пал, война возобновилась. Коммунист Амир Шарифуддин, возглавивший новое правительство, был вынужден принять условия хуже прежних – прекращение огня при оккупации части страны. Теперь и Шарир осудил меры, которые сам проводил раньше, и с большинством парламентариев-социалистов перешел на антикоммунистические позиции Социнтерна. Прежние члены соцпартии в основном остались с коммунистами, «новая» же СПИ стала одной из самых прозападных организаций, враждебных любому патриотическому курсу.

Коммунисты рассчитывали на мирную передышку и объединение страны путем плебисцита, предусмотренного соглашением. Но НПИ и Машуми свалили левый кабинет за «капитулянтство». Сформированное ими правительство продолжило выполнять то же соглашение, начав демобилизацию повстанческой армии; прежде всего изгоняли коммунистов. В этом правых поддержали «левые» Тан Малаки. Республика, наводненная беженцами и безработными демобилизованными, задыхалась в голодной блокаде.

26-27 августа под руководством лидера КПИ Мановара Муссо, вернувшегося из долгой эмиграции, состоялась чрезвычайная партконференция. Она нацелила коммунистов на национальный антиимпериалистический фронт при гегемонии пролетариата, призвала к союзу с революционными силами мира. Было принято решение о слиянии легальной и нелегальной КПИ, СПИ, Народной партии и Социалистической

молодежи в одну легальную КПИ. В новое Политбюро вошли молодые лидеры Д.Н. Айдит, М.Х. Лукман и Ньюто. На октябрь намечался съезд объединенной партии. Но враг нанес упреждающий удар.

В сентябре 1948 г. в яванском городе Маджунг ополченцев Социалистической молодежи спровоцировали на столкновение с боевиками Тан Малаки и националистами. Поставленные перед фактом, руководители КПИ присоединились к восставшим. Муссо, видимо не успев разобраться в обстановке, по радио призвал народ свергнуть власть «японских квислингов». Кто такие квислинги, народ не знал, но Сукарно, одно время сотрудничавший с японцами, был для него символом свободы. Поддавшись на провокацию, партия обрекла себя на второй разгром – генеральную репетицию трагедии 1965 г. Даже многие действующие лица были те же. Муссо удалось договориться о мире с уполномоченным командующего армией подполковником Сухарто. Но командующий заболел, а сменивший его полковник А.Х. Насутион настоял на подавлении восстания. **30 сентября** – запомним дату – Маджунг был взят, 36 000 повстанцев пленены. Муссо был вскоре застрелен «при попытке к бегству», Шарифуддин и еще около 600 коммунистов казнены. Убит был и ставший ненужным Тан Малака.

В Амстердаме сделали из раскола «мятежников» один вывод – колонию можно вернуть силой. Главные города были снова оккупированы, Сукарно попал в плен. Общая угроза заставила националистов и коммунистов снова сражаться вместе. Трудящиеся не давали колонизаторам эксплуатировать плантации и фабрики. На оккупированной территории тайно действовали республиканские власти. В 1949 г. Насутион объявил генеральное наступление.

В ООН дело молодой республики отстаивали Советский Союз и государства народной демократии. Индия и другие страны Азии закрыли порты и аэродромы для голландских судов и самолетов. Да и Вашингтон с Лондоном не собирались уступать лакомый кусок сателлиту, потерявшему чувство реальности; они рассчитывали установить над Индонезией свое экономическое господство.

Колонизаторы вынуждены были пойти на мирную конференцию. Перемены в международной обстановке, особенно ликвидация атомной монополии США и

провозглашение КНР, помогли Индонезии стать единым независимым государством.

В ноябре 1949 г. в Гааге были подписаны «соглашения круглого стола». Патриотам пришлось согласиться на «союз» с бывшей метрополией, ее контроль над внешней торговлей, выплату долгов колониальной администрации в 4,3 млрд. гульденов. Признавались все концессии и права иностранного капитала. Создавалась голландская военная миссия для обучения армии. Республике навязали «Соединенные Штаты Индонезии» – рыхлую федерацию, в основном с «внешними островами», чьи нефтяные и лесные богатства манили корпорации США; но и возле столицы оставили «самоуправляющийся» штат. Половину Новой Гвинеи, называемую индонезийцами Западным Ирианом, голландцы удержали за собой.

Колонизаторы рассчитывали контролировать молодое государство руками наемников, окопавшихся на «самоуправляемых» территориях. Но народ добился воссоединения, действуя по-революционному – сверху и снизу. Единства требовали партии и общественные организации, многотысячные митинги и демонстрации, бастовавшие рабочие иностранных предприятий. Под давлением народа штаты один за другим самораспустились, лишь кое-где пришлось применить силу. 16 августа 1950 г. была провозглашена унитарная республика. Без компромисса все же не обошлось: конституцию 1945 г. заменили другой, также «временной». Власть президента ограничивалась парламентом – не избранным, а укомплектованным по договоренности с лидерами партий и регионов. Но даже такой «парламентаризм» давал легальное представительство основным политическим силам, в том числе КПИ.

Первые годы относительного мира считаются временем «либеральной демократии». Правительства формировал блок исламистов, католиков и правых социалистов, выражавший интересы компрадоров и помещиков. Машуми и СПИ вместе с «федералистами» выступали за развитие частного сектора в тесном сотрудничестве с иностранным капиталом. Забастовки подавлялись, КПИ и массовые организации трудящихся находились на полулегальном положении. В августе 1951 г. было арестовано около 2 тыс. коммунистов и других прогрессивных деятелей. Но запретить и тем более

уничтожить КПИ **реакция еще не могла**. Возникло временное равновесие политических сил.

3. Сталинское напутствие коммунистам Индонезии.

В 1951 г. компартию возглавило новое руководство во главе с Д.Н. Айдитом, в свои 28 лет имевшим 12-летний стаж молодежной и 8-летний – партийной работы. В 1954 г. товарищ Айдит станет генеральным секретарем, а в 1959 г. – председателем КПИ. С его именем будут связаны высший взлет партии и ее трагическая гибель.

С подготовкой новой партийной программы связана переписка Д.Н. Айдита с И.В. Сталиным в январе-феврале 1953 г. Ответное письмо советского руководителя посвящено важнейшим разделам проекта – аграрно-крестьянскому вопросу и национальному фронту. Это – один из последних сталинских документов: под ним стоит дата 16 февраля¹⁰. В свете последующих событий письмо представляет особый интерес.

Прежде всего, Сталин не согласился с тезисом о господстве в индонезийской деревне феодального строя. Этот неверный в империалистическую эпоху тезис, имевший хождение во многих странах, означал занижение уровня капиталистического развития. Вольно или невольно он подталкивал к оппортунизму меньшевистского типа: получалось, что от «феодализма» можно прийти только к буржуазной революции, и непременно при гегемонии либеральной буржуазии. Сталин решительно отверг подобные представления. **«Стопроцентного феодализма нет и не может быть в Индонезии, так же как его не было в России перед Октябрьской революцией в 1917 году, как не было его в Китае и других народно-демократических странах перед началом антифеодальной революции... Поэтому следовало бы при составлении программы формулу об уничтожении феодализма заменить формулой об уничтожении **пережитков феодализма**, как более точной».**

Воздерживаясь от прямых указаний, которые могли бы восприниматься как вмешательство во внутренние дела, советский руководитель в общем виде перечислил *«серьезные и глубокие пережитки феодализма»*. Это и право крупных землевладельцев-помещиков на монопольное владение землей, вынуждавшее крестьян арендовать землю на любых условиях (в Индонезии 60% крестьян своей земли не имели); и натуральная арендная плата, составлявшая значительную

часть урожая (на Яве ее уровень в 70% считался не особенно высоким); и система отработок в помещичьем хозяйстве; и, наконец, «густая паутина долговых обязательств, опутывающая большинство крестьян, делающая их неоплатными должниками» – элемент производственных отношений, особенно характерный для Индонезии и многих других стран Азии и Латинской Америки. Сталин подчеркнул тяжесть этих «пережитков» как для сельских тружеников, так и для всего общественного развития: результатом становится «техническая отсталость сельского хозяйства, обнищание большинства крестьян, худосочность внутреннего рынка, невозможность индустриализации страны». Отсюда «первоочередная задача коммунистов – ликвидировать пережитки феодализма, развернуть антифеодальную аграрную революцию, передать крестьянам помещичьи земли безвозмездно на правах частной собственности».

На вопрос: «не означает ли временный отказ от национализации земли и раздел помещичьих земель среди крестьян на правах частной собственности – отказ от социалистических перспектив в развитии сельского хозяйства» – И.В. Сталин отвечал также в общем виде, сопоставляя опыт различных стран. Возможность прямого пути к национализации земли в России он **объяснил** наличием крестьянской общины с периодическими переделами, вследствие чего «сами крестьяне, большинство крестьян, считали, что «земля – ничья, земля – божья, а плоды земли должны принадлежать труженикам земли», а также поддержкой национализации наиболее сильными партиями – как рабочей (большевистской), так и мелкобуржуазно-крестьянской (эсеровской). Напротив, в европейских странах народной демократии, где принцип частной земельной собственности глубоко проник в крестьянское сознание, потребовалось начать с раздела помещичьей земли в частную собственность, чтобы подвести крестьян на собственном опыте к осознанию необходимости кооперирования, к национализации же земли идти постепенно, через ограничение ее коммерческого оборота. Отмечая, что на аналогичный путь становится Китай, Сталин предположил, что «то же самое будет в Индонезии после победы там аграрной революции».

Последующий опыт подтвердил мысль Сталина о глубинном сходстве социально-экономических предпосылок революции в

Индонезии и Китае (а также Корее, Вьетнаме, Лаосе). Центр классовой борьбы в этих странах в 40-е – 50-е гг. находился в деревне, и закономерно, что социальная база коммунистов была преимущественно сельской. Вместе с тем, если не во всем огромном Китае, то в Индонезии и других бывших колониях «пережитки феодализма» были давно и глубоко интегрированы в систему империалистической эксплуатации. Высокая степень экспроприации крестьянства превратила бедноту в полупролетариат. Довольно многочислен был сельскохозяйственный пролетариат – плантационные рабочие. Пролетарские, полупролетарские и мелкохозяйские массы сближал характер труда (в основном ручного), формы эксплуатации (сочетание экономического принуждения с внеэкономическим) и крайне низкий уровень жизни (скорее, выживания). Отсюда – формы сознания, организации и борьбы, стоявшие ближе не к рабочему и крестьянскому движению аграрно-индустриальных стран, а к предвиденному еще классиками марксизма «второму изданию крестьянской войны».

В Индонезии проявлялись обе отмеченных Сталиным тенденции крестьянского бытия и сознания: как частнособственническая, так и общинная. Еще Дипонегоро передавал землю общинам, обрабатывавшим ее совместно. Да и трудно было провести раздел земли на густонаселенной Яве, где ее просто не хватило бы на всех. В среднесрочной перспективе было не обойтись, с одной стороны, без переселения на малоосвоенные «внешние острова», с другой – без агропромышленной интеграции, которая позволила бы занять крестьянские руки не только сельскохозяйственным, но и индустриальным трудом. Казалось бы, эти особенности говорят не в пользу упора на частную крестьянскую собственность даже в качестве временной меры.

Но не менее важны были факторы, неблагоприятные для общинной тенденции. В более развитых частях страны, где жило большинство народа и где решалась судьба революции, общинные традиции были уже подорваны развитием капитализма и к тому же дискредитированы использованием их колонизаторами для выжимания соков из деревни. Сталин мог иметь в виду предупреждение Энгельса, что «первобытный коммунизм на Яве... образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет стихия

современного коммунизма)»¹¹. Центральным вопросом демократической революции в Индонезии был не аграрно-крестьянский, как в России и Китае, а национальный в двух взаимосвязанных аспектах: изгнания колонизаторов и объединения страны. Показательно, что сами крестьяне даже в разгар повстанческой войны не брали землю в свои руки, вероятно видя в сельских верхах не столько угнетателей, сколько союзников, а то и руководителей в борьбе с трехсотлетним злейшим врагом. Против общинной тенденции действовал и такой важный фактор, как ислам – наиболее частнособственническая из мировых религий, **служителям которой принадлежала значительная часть земельной собственности**. Характерно, что мировоззрение народных масс Индонезии, как и России, сохраняло черты «двоеверия», но основные буржуазные и мелкобуржуазные партии подчеркнуто апеллировали к исламу.

На временное единство пролетарской и мелкобуржуазных партий в земельном вопросе, отмеченное Сталиным применительно к России, индонезийцам рассчитывать не приходилось. Пожалуй, коммунистам действительно имело смысл сделать упор на частную крестьянскую собственность. Там, где общинные традиции сохранились, это не принесло бы вреда – сменилось бы только название надела. Зато собственнические настроения пусть и меньшинства крестьян были бы на какое-то время нейтрализованы. **Да и саму общину удалось бы основательно «встряхнуть» аграрной революцией, освободив от реакционных черт.**

Принципиально важны сталинские соображения по вопросу о роли единого национального фронта в системе приоритетов коммунистического движения. *«Конечно, если компартия до того слаба, что неспособна одновременно заняться и организацией союза рабочих и крестьян, и созданием национального фронта, то ей придется выбирать между этими двумя общественными делами и **сосредоточить силы на организации союза рабочих и крестьян, как более важного дела.** Но этот случай никак нельзя считать желательным. Желательно было бы, наоборот, чтобы партия добилась возможности построить одновременно и союз рабочих и крестьян, и национальный фронт. При этом нужно иметь в виду, что **национальный фронт безусловно необходим и важен для успешной борьбы не только***

против внутренней реакции, но и против внешней угрозы.

Отсюда мой совет: организовав союз рабочих и крестьян на базе революционной аграрной программы, заняться одновременно улучшением и укреплением объединенного национального фронта с тем, чтобы компартия приобрела со временем внутри этого фронта руководящее положение».

Рекомендации Сталина были учтены. Новая программа, принятая на V съезде КПИ (1954 г.), провозгласила стратегический курс на единый национальный фронт на основе союза рабочих и крестьян при гегемонии пролетариата. Внутри фронта коммунисты должны были сохранить идеологическую, политическую и организационную самостоятельность. Первоочередной задачей ставилась аграрная реформа с безвозмездной передачей помещичьей земли крестьянам.

Обращает на себя внимание, что в сталинском письме из всех задач КПИ выделены аграрно-демократические и общенациональные. Антиимпериалистический аспект автор подразумевает, одобряя проект программы по всем остальным вопросам, но упоминает лишь намеком, говоря о «внешней угрозе». Думается, такая избирательность соответствовала общей линии Сталина последних лет жизни на приоритетное решение общедемократических и общенациональных задач. Эта линия была выражена на XIX партсъезде в известном призыве к зарубежным коммунистам **«поднять знамя демократии»**.

Сталин стремился обеспечить максимально широкое единство прогрессивных сил, предотвратив или отсрочив противостояние с лагерем империализма. При этом он руководствовался не только тактической необходимостью обеспечить СССР мир после тяжелейшей войны, но и стратегическим пониманием диалектики антиимпериалистических и общедемократических задач. Как марксист, серьезно относившийся к теории и истории, он не мог не сознавать, что борьба бывших колоний против мирового империализма будет успешной лишь при предварительном или хотя бы параллельном решении задач общедемократического порядка, преждевременное же столкновение с более сильным врагом чревато тяжелыми последствиями. За этим подходом нельзя не признать

исторической прозорливости. Другой вопрос, насколько он был осуществим в разгар «холодной войны», когда классовая борьба обострилась до предела, многие народы охватило «головокружение от успехов» после побед над фашизмом и колониализмом, а империализм, наученный опытом, уже не втапывал «знамя демократии» в грязь у всех на глазах, но сам размахивал им, усугубляя раскол между теми, кто этим знаменем дорожил, и теми, кому оно казалось лишь прикрытием грабежа и геноцида.

В целом сталинские советы индонезийским коммунистам имели не только теоретическую и практически-политическую значимость, но и огромную моральную важность. Параллель со странами, успешно совершившими народно-демократические и социалистические революции, подводила к постановке столь же масштабных исторических задач, придавала уверенности в своих силах и в поддержке мирового социализма.

4. Единый фронт и «направляемая демократия».

Кроме КПИ, влияние в массах крестьян и рабочих имели еще две партии. Прежде всего речь идет о **Национальной партии Индонезии** (НПИ), выступавшей за расторжение соглашений с Нидерландами, создание госсектора в экономике и поддержку национального капитала. **Другую партию** под названием «Нахдатул Улама» («Союз **мусульманских богословов**») образовали в апреле 1952 г. исламские традиционалисты, порвавшие с прозападным руководством Машуми. Среди ее членов преобладали средние и мелкие торговцы, ремесленники, владельцы небольших промышленных предприятий, зажиточные крестьяне. Лидеры партии осуждали модернизацию религии и звали к «истокам», трактуя их как создание независимого государства на исламских принципах. Идеейно противостоя НПИ и тем более КПИ, «Нахдатул Улама» **вначале** шла на блок **с ними** ради упрочения независимости.

Возрождение единого фронта, существовавшего в годы борьбы с колонизаторами, началось с 1951 г., когда 12 партий, в том числе КПИ, образовали координационный комитет и выработали совместную платформу на платформе продолжения национально-демократической революции. Широкий фронт дал возможность **освободить** арестованных, демократизировать избирательный закон, создать государственный банк. В 1952 г. КПИ и НПИ выступили против

соглашения с США «о взаимном обеспечении безопасности», подготовленного правым правительством. Кабальный пакт был похоронен, компрадоры из Машуми и СПИ лишились исполнительной власти.

Отражая угрозу справа, Сукарно пошел на сотрудничество с коммунистами. КПИ и массовые организации получили легальный статус. Более того, на V съезде КПИ было оглашено президентское приветствие, присутствовало несколько министров. Единый фронт стал реальностью. В последующие годы его кратко называли НАСАКОМ – по первым слогам названий трех основных участников: националистов, религиозных сил и коммунистов. На парламентскую поддержку КПИ опирались правительства, где основные посты занимала НПИ. Кабинет Али Састроамиджойо (1953-55 гг.) национализировал нефтепромыслы Северной Суматры. Государство построило несколько предприятий, запретило вывоз капитала, ограничило перевод прибылей за границу 60 процентами. Оказывалась кредитная поддержка госсектору и национальным предприятиям, в том числе кооперативам (в Индонезии тех лет это была форма объединения национального капитала, преимущественно среднего и мелкого).

Политика единого фронта обеспечила КПИ стремительный рост. В 1952 г. коммунистов насчитывалось примерно 8 000, к концу 1954 г. – 500 000¹². Ширились массовые организации, работавшие под руководством партии: профсоюзы, Народная молодежь, Движение женщин Индонезии. Благодаря их активной работе по осуществлению социальных программ поддержка партии в массах неуклонно росла.

29 сентября 1955 г. (*снова конец сентября!*) прошли первые – и последние до переворота – выборы в парламент, а вскоре и в Учредительное собрание, полномочное принять конституцию. Набрав более 16% голосов, КПИ вышла на четвертое место после НПИ, прозападного блока и «Нахдатул Улама». В парламенте почти все места достались четырем партиям: НПИ и Машуми получили по 57, Нахдатул Улама – 45 и КПИ – 39¹³. Аналогичный расклад получился и в Учредительном собрании.

Пытаясь создать правительство широкого фронта, Сукарно убеждал националистов и исламистов: *«Нельзя продолжать игнорировать партию, которая получила на выборах шесть миллионов голосов»*. Но и его легендарное красноречие было

бессильно против классовой позиции многих парламентариев. Тогда президент ополчился против *«западной, не отвечающей национальному духу парламентской системы»*. *«Я не стремлюсь стать диктатором, – заверял он. – Я действительно демократ. Но моя демократия – не либеральная демократия»*¹⁴.

Правая оппозиция, не надеясь больше на выборы, сделала ставку на переворот. В ноябре 1956 г. **полковник Лубис поднял в столице мятеж**. После провала путча борьбу перенесли на «внешние острова». Под обычную демагогию об эксплуатации провинций центром, мятежники добивались передачи именно центральной власти правым партиям, запрета КПИ. На Суматре было сформировано параллельное «революционное правительство», начавшее с ареста нескольких тысяч коммунистов. В Вашингтоне уже «изучали» вопрос о его признании, чтобы *«остановить скатывание Индонезии к коммунизму»*. В начале 1957 г. исламисты вышли из правительства, рассчитывая спровоцировать переворот.

Сукарно нанес ответный удар, предложив взамен «импортной» парламентской модели **«направляемую демократию»**, будто бы заложенную в недрах сельской общины. Основой ее провозглашалось нечто вроде «консенсуса» – замена голосования консультациями «на основе взаимного сотрудничества» при арбитраже верховного лидера. Таким путем «бунг Карно» рассчитывал прийти к *«исчезновению оппозиции, воцарению национального мира»*. Предусматривался Национальный совет из представителей «функциональных групп»: рабочих и предпринимателей, крестьян и землевладельцев, интеллигенции и военных. При всем утопизме подобного подхода, на тот момент он отвечал настроениям масс, относившихся к «парламентским» играм политиканов примерно так же, как старушка из блоковских «Двенадцати» – к Учредительному собранию. Вряд ли тогда была иная альтернатива гражданской войне и интервенции.

План Сукарно одобрили НПИ и другие партии. Кроме патриотических мотивов, ими двигало и стремление нейтрализовать избирательные успехи КПИ. Против реформы выступили только прозападные Машуми и СПИ, не приемлющие никакого участия коммунистов во власти.

Расширенное совещание Политбюро ЦК КПИ 20 февраля 1957 г. решило поддержать президента. Коммунисты расценили президентский план как *«соответствующий*

неотложным политическим нуждам народа». Партия ждала от «направляемой демократии» упрочения национального единства и прогрессивного развития, независимой внешней политики, отпора империализму и реакции. Когда в марте 1957 г., под угрозой распада страны, Сукарно ввел чрезвычайное положение, КПИ сочла этот шаг законным, в то же время призвав «предупредить злоупотребления». Чтобы компенсировать неучастие КПИ в правительстве, 12 коммунистов ввели в Национальный совет. Отношение к кабинету коммунисты формулировали так: «Безоговорочная поддержка тех мероприятий, которые приносят пользу народу, критика колебаний и оппозиция тем мерам, которые ущемляют интересы народа»¹⁵.

Союз с популярным в народе президентом на первых порах усилил партию. К 1959 г. коммунистов стало уже полтора миллиона. На местных выборах 1957-58 гг. КПИ вышла по числу голосов на первое место. 17 коммунистов возглавили органы власти ряда провинций, мэрии крупнейших городов – Сурабаи и Семаранга. На общенациональных демократических выборах партия надеялась получить не менее 25% голосов.

Но объективно на первый план выдвинулись не общедемократические, а антиимпериалистические задачи. И едва ли могло быть иначе, пока бывшие колонизаторы господствовали в экономике, оставались непосредственными эксплуататорами большинства пролетариев, оккупировали немалую часть страны и вмешивались в ее оборону.

В первую очередь была упразднена нидерландская военная миссия. В 1954 г. правительство, выполняя требования парламента, расторгло союз с Нидерландами, через два года – большинство соглашений с экс-метрополией, прекратило выплату ее долгов. 3 декабря 1957 г. профсоюзы, руководимые КПИ и НПИ, взяли под контроль все голландские предприятия. Ключевые позиции в экономике перешли к государству, хотя капитал других империалистических стран сохранил позиции.

Правые партии осудили действия профсоюзов и потребовали запретить КПИ. Не добившись своего, они открыто примкнули к мятежникам, но армия их не поддержала. К июлю 1958 г. мятежники были загнаны в джунгли, а спустя три года сложили оружие.

Усматривая в «антилиберальных» мерах подлинное народовластие, Сукарно страстно призывал: «*Порвите со сферой либерализма, откажитесь от всего, что связано с ней...*»¹⁶. В Учредительном собрании не набралось 2/3 голосов, требуемых для принятия постоянной конституции. КПИ выступила за введение конституции 1945 г. президентским декретом и роспуск собрания. Сукарно так и поступил; новое правительство возглавил он сам. Декреты президента больше не требовали утверждения депутатами. Над парламентом был поставлен созывавшийся лишь в особых случаях Временный народный консультативный конгресс (ВНКК), куда, кроме парламентариев, входили беспартийные представители регионов и «функциональных групп».

1959 г. Сукарно объявил «годом возрождения революции», а 17 августа обнародовал «Политический манифест» (кратко – «Манипол»). Подобно «Панча сила», «Манипол» включал 5 принципов: конституция 1945 г., «индонезийский социализм», «направляемая демократия», «направляемая экономика», «индонезийская самобытность». Ближайшими целями провозглашались подъем благосостояния народа, национальная безопасность, борьба против империализма, сохранение и развитие «самобытности». Поддержка этой программы партиями ставилась условием их легальности. VI съезд КПИ (1959), одоблив «Манипол», предложил сформировать «кабинет сотрудничества», в котором были бы пропорционально представлены все антиимпериалистические силы.

Но на практике «антилиберальные» меры принимали антидемократический характер. В первую очередь это коснулось статуса политических партий. Чтобы сохранить легальность, партия должна была насчитывать не менее 150 тыс. членов, регулярно передавать правительству членские списки и финансовые отчеты. В провинциях ввели управление по образцу центрального, что лишало КПИ плодов победы на местных выборах.

В марте 1960 г. КПИ выступила против бюджетного законопроекта, внесенного самим Сукарно. Большинство голосов законодатели отклонили его. Президентским декретом парламент был распущен. В телеграмме главе государства, совершавшему очередной зарубежный вояж, Айдит выразил крайнее сожаление действиями, которые «серьезно угрожают демократической жизни страны», и предложил избрать новый

парламент или сформировать временный. В свою очередь, правые и клерикальные партии объединились с **СПИ** и «левыми» **последователями** Тан Малаки в «Демократическую лигу», **выступив** как против «диктаторских и неконституционных» шагов главы государства, так и против «влияния коммунистов на правительство». Вернувшись, Сукарно запретил лигу и *назначил* парламент: 153 членов – по списку «функциональных групп» и 130 – от пяти партий. Машуми и СПИ остались без мандатов, а вскоре были объявлены распущенными. НПИ получила 44 места, национал-исламисты – 36, КПИ – 30. Вместе с 25-30 сторонниками-«функционалами» у компартии были прочные позиции. Заместителем председателя парламента стал коммунист Лукман¹⁷.

На митинге в честь VII съезда (1962) Сукарно говорил: *«Тот факт, что КПИ выросла со 150 тыс. до 2 млн. членов, стала крупной, сильной, объясняется тем, что КПИ последовательно защищала интересы рабочих и крестьян; последовательно стояла за единство Республики Индонезия, последовательно защищала неимущих»*¹⁸.

Компартия опиралась на прочную поддержку массовых организаций: профцентра – Всеиндонезийской центральной организации труда (SOBSI); Народной молодёжи (Pemuda Rakyat), Движения женщин Индонезии (GERWANI), Крестьянского фронта Индонезии (BTI), Общества народной культуры (LEKRA) и Ассоциации учёных Индонезии. В КПИ или близкие к ней организации входил каждый пятый индонезиец.

«Бунг Карно» снова и снова предлагал ввести коммунистов в правительство, но этому противились правые в других партиях и армии. Пришлось ограничиться включением представителей КПИ в консультативные органы. Айдит был назначен заместителем председателя ВНКК. В марте 1962 г. президент назначил его и Лукмана министрами без портфеля.

Однако реальная политика проводилась узким «внутренним кабинетом», где коммунистам места не было. Все легальные партии вошли в НАСАКОМ; лидером фронта стал президент, программой – «Манипол». Исполнилась мечта Сукарно – править «без вмешательства оппозиции» хотя бы пять лет¹⁹. Ровно столько и было отмерено историей...

5. Можно ли примирить непримиримое?

За немногие мирные годы Индонезия добилась некоторых успехов. Больше всего удалось сделать в здравоохранении и

образовании. Резко сократилась смертность, особенно детская; страна, как и ее соседи, переживала демографический взрыв. Неграмотность снизилась с 85 до 30%. В 36 вузах училось 200 тысяч студентов.

Но что ждало впереди новые поколения, уже почувствовавшие себя не колониальными рабами, а людьми, гражданами? В какую жизнь им предстояло выйти?

Целью «направляемой демократии» объявлялся «индонезийский социализм», при котором «слабые социальные группы берутся под защиту, сильные – ограничиваются»²⁰. Растяжимая, как каучук, трактовка устраивала «всех», включая чиновников и помещиков. Близкие к правительству дельцы именовались даже «социалистическими капиталистами».

70% самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве. Что изменилось в их жизни? Основной аграрный закон 1960 г. ограничил частную земельную собственность для иностранцев, но сохранил для индонезийцев (в принципе допускалось изъятие с компенсацией). Закон о разделе урожая ввел предел арендной платы в 50%. Президентские декреты установили максимальные и минимальные размеры земельных владений; излишки подлежали передаче безземельным и малоземельным крестьянам. Однако помещики и связанные с ними чиновники саботировали аграрную реформу. В 1963 г. правительство передвинуло сроки ее завершения на 3-5 лет. 60% крестьян так и оставались без своей земли и, по словам Айдита, получили бы ее не раньше 2000 г.

Не лучше обстояло дело и с главным достижением революции – экспроприацией собственности колонизаторов. **С точки зрения форм собственности, был сделан крупный шаг вперед: госсектор вырос до трех четвертей производственных мощностей.** Однако **на смену колониальной централизации производства не пришла новая, более высокая.** Поспешное, неподготовленное огосударствление большей части экономики, увод торгового флота и высылка специалистов-голландцев нарушили хозяйственные связи. Мелкобуржуазная демократия и буржуазно-помещичья бюрократия, оспаривавшие друг у друга власть, оказались неспособны сами управлять «свалившимся» на них хозяйственным комплексом и не позволяли этого трудящимся. Рабочий контроль почти сразу сменился военным; закона о

национализации пришлось ждать целый год. Лишь чиновничий аппарат разбухал неудержимо: число госслужащих за годы независимости выросло со 140 до 700 тысяч, одних министров стало 100. Некомпетентность, «теневая» нажива и прямой саботаж сплелись в один клубок. От национализации, оставшейся во многом формальной, больше всех выиграли коррумпированная бюрократия и спевшиеся с ней дельцы. Коммунисты кратко называли их «кабирами» – **«капиталистами-бюрократами»**.

Уже 8 июля 1960 г., по итогам первого года президентского кабинета, Политбюро ЦК КПИ выступило с критическим заявлением. **Партия возложила на «кабиров» ответственность за обострение** финансово-экономического кризиса, срыв программы обеспечения народа продовольствием и потребительскими товарами, **требуя от властей** принять срочные меры. **При** участии Айдита был разработан 8-летний план экономического развития, принятый в ноябре 1960 г. Однако система плановых органов отсутствовала. Планы составлялись «на глазок», без реального учета средств и ресурсов, и представляли собой скорее пропагандистские, чем экономически обоснованные документы. Можно ли было при подобном положении противостоять планомерной «осаде» со стороны империализма, нести военные расходы, подчас превышавшие две трети бюджета?

Объем производства и экспорта в первой половине 60-х гг. не достигал уровня 1940 г. Промышленность, занимавшая 10% самодеятельного населения, из них половину – на мелких предприятиях, использовала лишь четверть мощностей. Национализированные предприятия большей частью простаивали из-за отсутствия сырья, в лучшем случае держались на бюджетных дотациях. В 1961 г. правительство рассчитывало получить от госсектора 4 млрд. рупий, а получило 532 млн. Из запланированных 335 крупных строек были начаты 200, но затем в большинстве заброшены²¹. Дорогостоящее оборудование приходило в негодность или разворовывалось.

В то же время огромные средства ассигновались через президентский фонд на возведение импозантных зданий и памятников (впрочем, и тут расхищалось не меньше, чем шло на строительство). «Не обойтись» было и без «своих» Олимпийских игр; не найдя поддержки МОК, не придумали ничего лучше, чем выйти из него и попытаться создать

параллельный. Все это должно было поднимать престиж молодого государства, но на фоне хозяйственного развала вело к обратным результатам.

Народ не чувствовал улучшения жизни. В городах электричество и воду включали на несколько часов в сутки. Цены на основные потребительские товары с 1961 по 1963 гг. выросли в 6 раз. На жалование рядового чиновника стало невозможно прожить – ему оставались подработки или коррупция. Айдит предостерегал: *«Нелепо вовсю кричать о целях августовской революции, об индонезийском социалистическом обществе, оставаясь в то же время совершенно безразличным к непрерывному сокращению производства во всех секторах»*²².

Но президенту «сухая» экономическая наука казалась годной лишь для «бухгалтерских душ». Во главу угла он ставил «духовную революцию», полагая, что воспитание национальной гордости обеспечит решение всех проблем. В лучшем случае «бунг Карно» пытался встряхнуть экономику декларациями в духе своей любимой формулы: *«Для борющейся индонезийской нации революция – это дорога без конца»*²³. Нескончаемые перлы революционной фразы диссонировали с жизнью народа, поощряли разрыв слов и дел.

Удивительно не то, что в верхах нарастали настроения приспособленчества и цинизма, а в низах – усталости и разочарования, а то, что сам «бунг Карно» оставался незапятнанным. В стране, где большинство не знало грамоты, сознание масс во многом формировали митинги и речи, а тут Сукарно не было равных. В бедах винили кого угодно, только не его. Авторитет вождя отчуждался от повседневной жизни, превращаясь в культ. Феномен патернализма, присущий в середине XX века многим странам, в Индонезии приобрел буквальный смысл. Для десятков миллионов крестьян вождь нации был уже не «брат», а «отец» – «батак». Почти непрерывные поездки президента по стране и за рубеж, закладываемые им стройки, международные встречи на индонезийской земле – все это воспринималось в народе почти магически. Вошло в обычай паломничество к вождю; предметом поклонения становилось все, чего он коснулся. Даже четыре законных по шариату брака и множество побочных связей лишь усиливали восприятие Сукарно по старинному образцу «священного царя». Он и сам уверовал в

мессианское предназначение: *«Всей моей жизнью руководила высшая сила. Я выполняю волю божью. Это то, для чего я рожден».* *«Я – Индонезия, я – революция!»*²⁴

Возник и своего рода культ наизнанку: враги не видели иного пути, кроме устранения лидера. Покушений было несколько, предпоследнее – в январе 1962 г., когда Сукарно ехал в открытой машине с советским космонавтом Г. Титовым. Полк личной охраны был создан лишь позднее. Но «бунга Карно», казалось, хранила судьба.

Весной 1963 г. ВНКК назначил Сукарно пожизненным президентом. Поддержав это решение, коммунисты рассчитывали поставить барьер правым.

Но декларациями о единстве не отговориться от вызова истории. Классовый антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, противоречия между правящим блоком и крепнувшим под его опекой капиталом неотвратимо обострялись. Пока эти противоречия не получили того или иного разрешения, а основные классовые силы взаимно уравнивали друг друга, социально-экономические проблемы были обречены накапливаться и усугубляться. Но так не могло продолжаться бесконечно. Газета КПИ в мае 1963 г. констатировала: *«Перед страной стоит проблема: выбрать, что важнее – интересы большинства или интересы меньшинства, интересы народа или интересы эксплуататоров в городах и деревнях. Чьими-то интересами придется пожертвовать»*²⁵.

6. В чьих руках оружие?

Склонить ту или иную чашу весов истории, обеспечить тот или иной классовый выход из кризиса суждено было армии. В мировой истории это – скорее правило, чем исключение. Сила централизованной организации и дисциплины, современного вооружения и воинской выучки, даже будучи относительной, почти всегда ломит «солому» повстанческих выступлений и уж подавно невооруженных протестов, хотя бы и массовых. С ходом истории, развитием военной техники данная закономерность действует все неуклоннее. В странах, завоевавших суверенитет вооруженным путем, армия к тому же воспринимается массами как главный борец за свободу, а затем – как гарант национальной государственности. Влияние вооруженных сил поддерживается и тем, что для выходцев из низов военная карьера – почти единственный путь наверх.

Не зря Ф. Энгельс и В.И. Ленин считали одним из решающих факторов победы революции переход на ее сторону хотя бы части армии. Исключения, подтверждающие правило, случались лишь там и тогда, где и когда условия позволяли создать повстанческую армию, превосходящую силой вражескую.

К общим факторам в Индонезии добавлялись специфические. Восстание 1926-27 гг., Маджунг, опыт соседних Филиппин и Малайи показывали, что народно-революционная война китайского, вьетнамского или кубинского типа не имеет здесь шансов на победу. Географические условия архипелага не позволяли повстанцам ни получить широкую поддержку мирового социализма, как в Китае и Индокитае, ни быстро сосредоточить силы в решающем пункте, как на Кубе. К тому же империализм, «обжегшись» на партизанских движениях, теперь старался душить их в колыбели, а развитие военной и разведывательной техники облегчало ему задачу.

Видимо, единственный шанс индонезийских коммунистов состоял в завоевании максимальной поддержки среди военных. Лишь при этом условии в решающий момент можно было изолировать и разгромить врага, одновременно создав из военных-патриотов и народной милиции качественно новую, революционную армию.

В вооруженных силах Индонезии, рожденных в антиколониальной борьбе, влияние коммунистов, несмотря на несколько чисток, оставалось немалым. Больше всего левых служило в ВВС и ВМФ, сыгравших основную роль в борьбе с сепаратистами. К КПИ был близок командующий ВВС Омар Дани.

Иная ситуация складывалась в сухопутной армии. Со времен войны за независимость она выступала как стержень власти на местах. Не получая при развале экономики регулярного финансирования, армия уже давно втянулась в бизнес. *«Некоторые командиры, почувствовавшие «вкус» к хозяйственной деятельности, занялись торговлей, создавали своеобразные военно-экономические компании, расхищали государственное имущество, не брезговали контрабандой»²⁶*. Молодой Сухарто, как утверждает его западный биограф, получал доход от провоза наркотиков по территории, контролируемой его подразделением. Подобные офицеры, даже будучи выходцами из низов, очень скоро сближались с

компрадорами и помещиками. Все это не могло не способствовать формированию милитаристского сознания, враждебного гражданским политикам вообще и коммунистам в особенности.

Со времен Мадиуна армейское командование во главе с Насутионом выступало главной антикоммунистической силой. Уже в 1952 г. военные, подстрекаемые правыми социалистами, предприняли попытку переворота под предлогом борьбы с коррупцией. Сукарно они предложили возглавить выступление, но получили отказ. Насутион был смещен. Через три года старшие офицеры взяли реванш, свалив националистическое правительство Састроамиджойо и закрепив все назначения в армии за собой. Насутион вернулся на пост начальника генштаба, а затем совместил посты министров обороны и национальной безопасности. За время вынужденного досуга он стал идеологом «третьего пути» – антиимпериалистического и антикоммунистического – при ведущей роли армии.

Переход теневой диктатуры в открытую отсрочило то, что правая оппозиция, сомкнувшаяся с сепаратистами и интервентами, не нашла поддержки большинства армии. Даже офицеры-антикоммунисты рассчитывали, что борьба с мятежами усилит влияние армии надежнее, чем участие в них. Впрочем, борьба эта слишком напоминала «странную войну». КПИ объясняла затяжку мятежей тем, что *«лица, ответственные за безопасность, тратили энергию не столько на борьбу с мятежниками, сколько на подавление прогрессивных демократических движений, считая своей важнейшей задачей борьбу против народа и КПИ»*²⁷. Когда же мятежники терпели крах, генералы, блюдя классовые и корпоративные интересы, старались оградить «собратьев по оружию» от наказания.

Режим «направляемой демократии» обеспечил военным как «функциональной группе» возможность участия в политике без посредства партий. Айдит имел основания предостерегать: *«Может создаться впечатление, будто направляемая демократия для того и создана, чтобы подготовить почву для установления военной или личной диктатуры»*. Однако главный противовес этой опасности партия видела в лидерстве Сукарно, однажды уже отвергнувшего предложение военных стать диктатором.

С введением чрезвычайного положения армия стала главной опорой власти. В 1959 г. Насутион, пользуясь пребыванием президента в зарубежном турне, совершил без пяти минут переворот – запретил всякую политическую деятельность. Главной целью был срыв VI съезда КПИ. Вернувшийся Сукарно несколько разрядил ситуацию, договорившись с военными о возвращении конституции 1945 г.; по словам Насутиона, *«концепции президента и армии встретились на полпути»*²⁸. Президентское правительство уже больше чем на четверть состояло из военных, да и остальной состав формировался с согласия генералов.

В основе вражды между армейским командованием и коммунистами лежали классовые противоречия. По существу, армия превратилась в государственно-капиталистическую корпорацию. Элитные дивизии и раньше вне всякого контроля экспортировали каучук и пряности со своих плантаций, импортировали сырье и запчасти для своих мастерских. На бывших иностранных предприятиях рабочий контроль, напугавший буржуазию, уже через несколько дней был заменен военным. С их национализацией генералы и полковники взяли под контроль почти всю экономику – рудники, фабрики, плантации, внешнюю торговлю, транспорт, поставки и распределение продовольствия. На случай отмены ЧП Насутион заранее перевел «на пенсию» сотни офицеров, которые заняли влиятельные посты в госсекторе; оставшиеся на действительной службе рассчитывали повторить их карьеру. Многие военные погрязли в спекуляции и коррупции, не просто обуржуазиваясь, но и вращаясь в паразитическую прослойку «кабиров». Эта прослойка не помышляла о наведении порядка в экономике – ей удобнее было ловить рыбку в мутной воде. Ярким примером служил командующий армейским резервом Сухарто: для сбора в деловых кругах обильных «пожертвований» он учредил фонд «Дарма Путра» – зачаток будущей экономической империи.

Когда в июле 1960 г. Политбюро ЦК КПИ выступило с критикой положения в стране, всем было ясно, что главный ее объект – армейская верхушка. Военных, превратившихся в «кабиров», в лицо называли частью класса компрадоров. О национализации иностранных предприятий говорилось: *«Трудящиеся массы надеялись, что передача предприятий будет использована для того, чтобы служить интересам народа и улучшить условия жизни трудящихся. Эти надежды*

абсолютно не оправдались. Факт, что данные предприятия были поставлены под контроль определенных групп, которые относились к рабочим еще хуже, чем иностранные хозяева. Влиятельные элементы этих групп консолидировались в буржуазную группу, которая контролировала государственный аппарат и использовала его в своих материальных интересах; из этих элементов образовались бюрократические капиталисты, которые угнетали как рабочий класс, так и национальную буржуазию и стали той средой, которая создала империалистам благоприятные условия для осуществления своей политики эксплуатации и грабежа»²⁹. Коммунисты требовали отмены чрезвычайного положения, ставшего после краха мятежей прикрытием произвола «кабиров». Вскоре Айдит в печати призвал Сукарно решительно выступить против саботажников правительственной программы.

Генералы, не дожидаясь ответа президента, без консультации с правительством (!) приняли свои меры. По приказу Насутиона военные власти Джакарты вызвали всех членов Политбюро «для дачи объяснений», закрыли партийную газету. Секретарь ЦК Сакирман был прямо из дома похищен военными на несколько дней. Другие партии поспешили отмежеваться от КПИ. Командующие военными округами вместе с начальником военной разведки открыто вступили в антипрезидентскую «Демократическую лигу» (!) и начали запрещать деятельность местных организаций компартии.

Не только коммунистам, но и президенту становилось ясно: армию и страну готовят к перевороту. Пока помешал Сукарно, заявивший, что при всех его расхождениях с КПИ у них «единое мнение по вопросу об антиколониализме, антиимпериализме, судьбе рабочих и крестьян». В другой раз он выразился еще четче: «Я лично не боюсь коммунизма. У меня нет страха перед левыми. Я буду спать спокойно, даже если люди скажут, что я – коммунист»³⁰.

Считая министра по делам обороны и безопасности Насутиона главной угрозой, президент постарался вывести из-под его контроля сухопутные войска, подчинив их более надежному, как он полагал, генералу Яни. Тот изгнал из штаба многих протеже Насутиона. Но соперники не уступали друг другу в антикоммунизме.

17 августа 1961 г. Сукарно публично предостерег: *«Не вооруженные силы, не винтовка направляют Манипол, а Манипол направляет вооруженные силы и винтовку! Не переворачивайте этот принцип, не ставьте его с ног на голову! Переворачивать его – значит уклоняться в сторону фашизма»*³¹.

7. От неприсоединения – к «новым нарождающимся силам».

С середины 50-х гг. международный курс Индонезии принял отчетливо антиимпериалистический характер. Важнейшим приоритетом стала солидарность молодых независимых государств. Сукарновская ее интерпретация была в те годы одной из самых радикальных. Джакарта возлагала ответственность за угрозу ядерной войны на империализм и колониализм, осуждала агрессию против Египта, Вьетнама, Лаоса, Алжира, Конго и Кубы. В 1955 г. в индонезийском Бандунге прошла первая конференция афро-азиатских стран. В 1962 г. Индонезия вступила в созданную двумя годами раньше Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК).

В 1961 г. Сукарно выступил одним из основателей Движения неприсоединившихся стран. Он понимал неприсоединение как нечто большее, чем традиционный нейтралитет: *«активную приверженность великому делу независимости, прочного мира и социальной справедливости»*³². Но вскоре и такая трактовка стала казаться недостаточной. Осенью 1961 г. индонезийский лидер выдвинул лозунг борьбы **«новых нарождающихся сил»** против **«старых установившихся сил»**. В число вторых Сукарно включал империалистические державы, к первым относил государства Азии, Африки, Латинской Америки, а также мир социализма. XX век он назвал веком «новых нарождающихся сил»: *«Это век, в котором мы поднялись, век, в котором мы стали независимыми, век, в котором мы находимся в процессе революции»*³³. Далекая от классового подхода, эта схема поначалу служила обоснованием широкого антиимпериалистического фронта на мировой арене.

В середине XX века суверенитет молодых государств опирался на решающую поддержку стран социализма. Уже в 1954 г. в Джакарте открылись посольства СССР и КНР. В сентябре 1956 г. с СССР было заключено первое Генеральное соглашение о строительстве народнохозяйственных объектов, в феврале 1956 г. – второе. Для оплаты работ советских

организаций и поставок оборудования Индонезии предоставлялись кредиты соответственно в 100 млн. и 250 млн. долл. По долгосрочному торговому соглашению (июль 1960 г.) товарооборот за три года должен был утроиться. В обмен на пряности и кофе страна получала суда, самолеты, станки, удобрения, лекарства. СССР оказывал помощь в строительстве первого в стране металлургического завода, создании суперфосфатного и других производств, технических вузов и медицинских учреждений. В СССР учились сотни индонезийских студентов. В 1959 г. Сукарно был награжден Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Звучавшие на улицах Москвы и Джакарты лозунги: «Хидуп Хрущев! Хидуп бунг Карно!» моему поколению с детства понятны без перевода.

Важнейшее значение имела военная помощь. В мае 1958 г., когда США отказали в оружии законному правительству, снабжая им через блок СЕАТО сепаратистов, в защиту республики выступил СССР. Защитники суверенитета получили оружие из социалистических стран. Советские самолеты помогли в короткий срок покончить с мятежом.

В начале 60-х гг. ключевым приоритетом не только внешней, но во многом и внутренней политики стало воссоединение Западного Ириана. Блокировка западными державами этого вопроса в ООН дала толчок экспроприации голландской собственности в 1957 г. и разрыву дипотношений с Гаагой в 1960 г. Резко обострились отношения с США, помогавшими союзнику по НАТО. И вновь решающую роль сыграла позиция СССР. Главком ВМФ Мартадиата констатировал, что Советский Союз *«был единственной страной, готовой помогать Индонезии на тех условиях, которые ее устраивали»*. В январе 1961 г. специальная миссия во главе с министром обороны Насутионом подписала в Москве соглашение о поставках вооружения. По словам генерала, эта помощь позволила покончить с голландским военным превосходством³⁴.

В декабре 1961 г. Нидерланды попытались «осчастливить» запад Новой Гвинеи марионеточной «независимостью», чтобы сохранить за собой и своими союзниками военные базы и богатейшие недра острова. Сукарно заявил о готовности освободить Западный Ириан силовым путем. ВМС и ВВС были приведены в боевую готовность, на остров высажены тысячи партизан. Острота ситуации предвосхищала Карибский

кризис. Как стало известно много позже, подводные лодки США и СССР, крейсеровавшие у берегов Индонезии, не раз вступали в столкновения, грозившие третьей мировой войной. 9 февраля Советское правительство выступило с заявлением в поддержку Джакарты. Лишь тогда Вашингтон, уже переносивший центр агрессии к берегам Кубы, выступил с «планом урегулирования». 15 августа под эгидой ООН стороны подписали соглашение, по которому Западный Ириан 1 мая 1963 г. вошел в состав Индонезии.

Но мира на границах не наступило. Центр конфронтации лишь передвинулся с востока на север, к берегам стратегической межокеанской артерии – Малаккского пролива. По обе его стороны живут родственные народы малайской семьи. В итоге борьбы между колонизаторами полуостровная Малайя и север крупнейшего острова Калимантан (Борнео) достались Лондону. С 1945 г. Малайю охватило освободительное движение во главе с коммунистами. С трудом подавив его, британцы постарались «уйти, чтобы остаться». Живущих на полуострове малайцев, китайцев и индийцев умело разъединили по национально-религиозному признаку; из султанатов сколотили Малайскую федерацию, провозгласили ее в 1957 г. независимой, но оставили под контролем капитала и войск Британской империи. Затем в Лондоне решили объединить Малайю с этнически китайским Сингапуром и тремя владениями на севере Калимантана – Брунеем, Сабахом и Сараваком – в Федерацию Малайзии. Но в нефтеносном Брунее выборы выиграла Народная партия, выступавшая за самостоятельную Республику Северный Калимантан. Местных патриотов, помогавших борьбе за независимость Индонезии, вдохновляло воссоединение Западного Ириана. Они надеялись, что мать-родина примет и их республику как часть единого народа, заодно защитив себя от поддержки мятежников британскими колонизаторами и их ставленниками-султанами. Репрессии толкнули Народную партию в декабре 1962 г. на восстание.

Сукарно назвал Малайзию порождением неокOLONиализма и заявил, что индонезийцы изменят принципам, если не защитят братский народ. В Джакарте обосновалось эмигрантское правительство Северного Калимантана. Парламент принял резолюцию в поддержку повстанцев. Индонезия сосредоточила на границе войска, направила на север Калимантана добровольцев, высаживала десанты даже в

Малайе. Значительную роль в повстанческом движении сыграли коммунисты Индонезии, Малайи и Северного Калимантана.

Но тактика, обеспечившая воссоединение Ириана, на сей раз дала осечку. В сентябре 1963 г. Малайзия состоялась (правда, без Брунея, оставшегося еще на 20 лет британским протекторатом). Ее немедленно признали США, Великобритания, Франция, ФРГ, Япония, Австралия, Новая Зеландия, а также Индия и ряд других стран. Весь империалистический лагерь, который предпочел тактически отступить в Ириане, в Малайзию вцепился мертвой хваткой. Из Вашингтона прямо заявили: Индонезия не получит помощи, пока не признает федерацию. Западная Европа переключила на нее с Индонезии импорт каучука и олова.

Почему именно малайзийский конфликт стал поводом для настоящей осады Индонезии всем капиталистическим миром?

Прежде всего, Индонезия и ее союзники столкнулись с противником куда более серьезным, чем Нидерланды, – Британской империей. Даже в условиях распада колониальной системы Сити не перестал быть крупнейшим финансовым центром, Великобритания – ядерной державой, постоянным членом Совета Безопасности ООН с правом вето. Бывшие ее колонии, разбросанные по всему миру, сохраняли всесторонние связи с метрополией, оформленные членством в Британском содружестве.

Малайзия стала для Лондона одним из последних якорей «к востоку от Суэца». **Здесь находились военные базы, прежде всего сингапурская.** В 60-е гг. британские инвесторы получали отсюда больше прибылей, чем из огромной Индии, почти столько же, сколько из всей континентальной Европы. Крупные интересы **связывали с Малайзией** и два британских доминиона: Австралия, кроме важной сферы экспорта капитала, оберегала свои новогвинейские владения, Новая Зеландия опасалась коренных жителей – маори, родственных индонезийцам. Реформистские партии этих стран вместе с британскими лейбористами пользовались влиянием в Социнтерне, определяя его подход к делам Юго-Восточной Азии.

Не собирались «терять» Малайзию и США. Лондон и его доминионы всегда были для Вашингтона самыми привилегированными союзниками. Кроме того, Малайзия прикрывала с юга бывшую колонию США – Филиппины, а

военные базы в обеих странах служили опорой СЕАТО – империалистического блока на подступах к Китаю и Вьетнаму. Малайя наряду с Филиппинами, Грецией и Испанией олицетворяла пример и опыт победы над партизанами-коммунистами. Наличие наряду с малайцами-мусульманами многочисленного китайского и индийского населения делало ее моделью всего «третьего мира», рычагом влияния на его ведущие страны и регионы.

Американский и британский монополистический капитал сохранял прочные позиции в самой Индонезии, где ему принадлежали богатые нефтепромыслы, шинный завод, табачные фабрики, каучуковые и иные плантации.

Если рассуждать с чисто рациональной точки зрения, при таком международном раскладе руководству Индонезии вряд ли стоило идти на конфронтацию, а КПИ – ее поддерживать. Но надо учитывать соотношение социально-политических сил внутри, по существу, разделенной нации. Пойти на тяжелый компромисс типа Брестского может, и то с немалым риском, последовательно революционная власть, опирающаяся на организованное большинство народа и прочную гегемонию передового класса. В Индонезии таких условий не было. Стоило Сукарно и/или коммунистам попытаться вывести страну из неравной битвы, как в 1948 г. поступило правительство Шарифуддина, – их ждал второй Маджунг. Правые и «левые» неминуемо обратили бы против «предателей» весь накал национал-патриотических настроений масс, помнивших колониальный гнет.

Силу этих настроений показывает реакция улицы на провозглашение Малайзии. Джакарта 1963 г. предварила Тегеран 1979-80 гг.: десятки тысяч демонстрантов разгромили малайское и британское посольства. Парламент принял закон об организации добровольческого движения; на бумаге в него записался каждый пятый индонезиец. Лозунг «ликвидации Малайзии», став внешнеполитическим приоритетом вместо борьбы за Ириан, в последний раз объединил страну. Разные классово-политические силы преследовали при этом различные цели. Коммунисты надеялись, что борьба с внешним врагом усилит антиимпериалистические настроения, поднимет влияние партии и сдвинет страну влево. Сукарно уповал на «перманентную революцию» в национал-третьемировском варианте: *«Сейчас колесо революции снова вертится на основе классических законов всех революций: нет*

революции без непрерывной конфронтации... Если вы чувствуете, что вы проводите конфронтацию, – значит, вы в революции»³⁵. Первое утверждение можно с оговорками принять, но второе неверно: конфронтация вовсе не обязательно означает революцию. «Кабиры» не без оснований рассчитывали, что милитаризация страны упрочит их позиции.

8. В параллелограмме сил: Вашингтон – Москва – Пекин – Джакарта...

При всем этом империализм и реакция вряд ли достигли бы своих целей, если бы встретились с единым фронтом социализма и сил национального освобождения. Так и было еще совсем недавно, из чего, несомненно, исходили в политических расчетах как правительство Сукарно, так и КПИ.

Но за считанные месяцы конца 1962 – 1963 гг. международные условия резко изменились к худшему. Карибский кризис завершился соглашением Москвы с Вашингтоном без ведома Кубы. Вскоре хрущевскую «оттепель» подкрепили поставки американского зерна. Все это не могло не поколебать международный престиж СССР.

Самым тяжким следствием стал советско-китайский конфликт. Ответственность за него несут обе стороны, но с более сильной, опытной и зрелой – советской – выше спрос истории.

Москве следовало трезво понимать, что дело не только в националистических моментах политики и идеологии КНР, со стороны недавней полуколонии неизбежных, но требующих выдержки и такта от коммунистов более передовой страны. **Причины конфликта лежали значительно глубже.** Китай ни в коем случае не мог принять борьбы с «культом личности Сталина», бесцеремонно навязываемой коммунистам всего мира. Китайские трудящиеся были искренне привязаны к Сталину как главе страны, оказавшей им жизненно важную поддержку в нескольких войнах и мирном строительстве; предать такого друга – на Востоке значит непоправимо «потерять лицо». Еще важнее субъективных были причины объективные: уровень развития КНР, близкий СССР 20-х гг., в принципе не допускал отказа от «сталинских» методов управления под угрозой утраты не только социалистической перспективы, но и национальной независимости. После XX съезда КПСС Мао Цзэдун уже бросал призыв «*пусть расцветают сто цветов*», но этот отдаленный прообраз горбачевского «плюрализма» протянул всего несколько

месяцев: в дни фашистского мятежа в Венгрии китайские «нэпманы» вышли на улицы с призывами убивать коммунистов, и цветистый лозунг пришлось срочно дополнять: «*кроме ядовитых*»...

Столь же неприемлема для китайской нации была хрущевская трактовка мирного сосуществования. В те годы КНР была лишена места в ООН и безопасных границ. Великий народ болезненно ощущал отторжение империализмом Гонконга, Макао и Тайваня; уже пролив много крови в Корее, он воспринимал агрессию США в Индокитае как прямую угрозу. В Москве же претендовали на решение глобальных вопросов главным образом двумя ядерными сверхдержавами, зачастую без учета воли и интересов стран, освободившихся от колониального и полуколониального ига.

КНР не могла не чувствовать глубинную общность с «третьим миром», тем более, что в Индонезии и других странах Юго-Восточной Азии жило много миллионов китайцев. Но с крупнейшей державой «третьего мира» – Индией – ее разделили глубокие противоречия. Власти Дели предоставили укрытие тибетским сепаратистам, и этот классовый конфликт куда более, чем унаследованный от колонизаторов территориальный спор, обусловил две войны в Гималаях 1959-62 гг. Стремление Москвы встать «над схваткой» не могло не обострить советско-китайские коллизии.

Узлом всех этих противоречий и стал «проект» Малайзии. Руководство КНР поддержало Индонезию в борьбе против него. Иную позицию заняли в Кремле. На советских картах север Калимантана по-прежнему **заливал британский цвет**. СССР не только не признал республику, но и не использовал право вето, чтобы помешать приему Малайзии в ООН хотя бы до того, как свое законное место займет КНР. Отсутствие у СССР до 1967 г. дипотношений с Малайзией вызывалось скорее антикоммунистическими комплексами Куала-Лумпура, чем принципиальностью Москвы. Помимо «логики» советско-китайской ссоры, подобающей скорее гоголевским мещанам, чем великим державам XX века, сказывались уже и «рыночные» интересы. СССР закупал значительную часть каучука Малайзии в ущерб ее главному конкуренту – Индонезии. Так же поступали Югославия, Польша, Чехословакия, Румыния³⁶.

В этих условиях индонезийско-малайзийский конфликт, не достигая поставленных Джакартой целей, облегчал

империализму агрессию в Юго-Восточной Азии. Лондон регулярно устраивал «утечки» информации о близкой войне. 23 июля 1964 г. и президент США подписал с малайзийским премьером коммюнике о готовности совместно «защищать свободный мир». В ответ Сукарно 17 августа призвал народ продолжать борьбу с Малайзией, *«хотя бы ее поддерживал десяток империалистических держав»*. Как раз между этими датами 7-й флот США спровоцировал «тонкинский инцидент», положив начало широкой интервенции во Вьетнаме.

Раскол лагеря социализма и мирового коммунистического движения побудил Сукарно сделать ставку на перемещение центра революции в «третий мир». СССР и его союзники больше не включались им в «новые нарождающиеся силы». Индонезия виделась «маяком» глобальной антиимпериалистической борьбы.

Однако зависимость «третьего мира» от империализма оказалась прочнее, чем могло представляться в эйфории распада колониальной системы. Одним из первых симптомов стала волна признаний Малайзии. На Арабском Востоке посланцев этой страны, воевавшей с единоверцами на стороне колонизаторов, *«приветствовали в духе подлинного исламского братства»*³⁷. Не стала исключением даже насеровская ОАР, вовлеченная в конфликты того же типа в Палестине и Йемене.

У Джакарты оставался один союзник – Пекин. Концепция «новых нарождающихся сил» все больше сводилась к стратегическому союзу с КНР. В Пекине охотно и, вероятно, искренне обещали помощь, но ее реальные масштабы и возможности были ограничены. Зато индонезийская реакция не упустила случая перенацелить бытовой национализм с компрадоров и ростовщиков на китайский народ, а коммунистов изобразить «агентами Пекина». В апреле 1963 г. по столице и другим городам прокатилась волна китайских погромов.

Но пути назад не оставалось. В августе 1964 г. Сукарно назвал себя «товарищем Мао Цзэдуна по оружию», а через два месяца приветствовал испытание китайской атомной бомбы. На конференции неприсоединившихся стран в Каире (октябрь 1964 г.) «бунг Карно» взял слово первым. В речи, недвусмысленно озаглавленной **«Эра конфронтации»**, индонезийский лидер призвал отказаться от неприсоединения и развернуть решительную борьбу против «старых

установившихся сил», чтобы создать «новый мир». Не получив поддержки большинства, он отказался подписать декларацию с характеристикой мирного сосуществования как единственного пути к укреплению мира во всем мире.

Считанные дни, если не часы, хмурого октября 1964 г. отделяли каирскую речь Сукарно и **атомный** взрыв на полигоне Лобнор от Пленума ЦК КПСС, освободившего Никиту Сергеевича от обязанностей «главы партии и правительства». Вряд ли это было случайным совпадением. «Славное десятилетие», как льстецы именовали годы правления Хрущева, исчерпало себя и во внутреннем, и в международном плане, ввергнув мировой социализм, коммунистическое и все антиимпериалистическое движение в глубокий кризис.

Но Индонезии не помогла и смена руководства СССР. Отношения **Москвы и Джакарты** даже ухудшились. Личные симпатии и популистский стиль, сблизившие Сукарно с Хрущевым, теперь стали, говоря языком нынешних спичрайтеров, контрпродуктивны. Главное же, в Кремле повысился удельный вес «рыночных» мотивов. С 1 января 1965 г. СССР отменил пошлины на продукцию развивающихся стран; одним из основных бенефициаров стала Малайзия³⁸. В Джакарте, как и в Пекине, это не могли не воспринять как участие в экономической подпитке враждебной страны. **Индонезия** начала свертывать хозяйственные связи с европейскими социалистическими странами. Весной 1965 г. Сукарно публично осудил, заодно с западноевропейским «Общим рынком», и СЭВ, выступив за создание афро-азиатского экономического блока.

Прямым оскорблением как Китая, так и Индонезии стало молчаливое согласие СССР на избрание Малайзии в Совет Безопасности ООН (!). В ответ на это Сукарно 6 января 1965 г. заявил о выходе страны из нее. Импульсивное решение в дальнейшем было интерпретировано как борьба за реформу ООН. Так или иначе, отказ от участия в наиболее представительной международной организации не встретил в мире одобрения. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин в специальном послании предостерег, что столь «крайний шаг» был бы использован в ущерб Индонезии и всему антиимпериалистическому лагерю. Лидеры Движения неприсоединения также призвали Сукарно пересмотреть решение. Лишь в Пекине охарактеризовали его отчаянный

шаг как «смелый и революционный». Чжоу Эньлай призвал провести в Джакарте конференцию «новых нарождающихся сил» и создать «революционную ООН». Но для большинства людей середины XX в. ООН при всех минусах оставалась детищем антифашистской борьбы; разрыв с нею недолго было ассоциировать с выходом в 1933 г. нацистской Германии и ее партнеров по «оси» из Лиги Наций. Противник получал удобный предлог для расправы с неудобной страной.

Только на малайзийском направлении «политика конфронтации», казалось, начинала давать плоды. Федерация переживала кризис **из-за обострения противоречий между малайским и этнически китайским капиталом**; 9 августа из нее вышел (или был исключен – вопрос спорный) Сингапур. Но это лишь ускорило вытеснение британского влияния в регионе американским.

Международная обстановка в Азии вплотную подошла к грани большой войны. США наращивали оккупационные силы в Южном Вьетнаме, бомбили и обстреливали север страны. Сукарно заявлял, что «*Индонезия и ДРВ находятся на передовой линии борьбы с империализмом*»³⁹.

В довершение всего в сентябре 1965 г. вспыхнул военный конфликт между государствами Индостана. КНР и Индонезия поддержали Пакистан. В Джакарте даже объявили долгом «новых нарождающихся сил» участие в войне на его стороне (!). Но логика «враг моего врага – мой друг» в большой политике продуктивна отнюдь не всегда. Как бы ни оценивать тогдашнюю политику Индии, это была неприсоединившаяся страна с буржуазно-демократической конституцией. Пакистаном же правил один из реакционнейших военных режимов – воплощение помещичьей диктатуры, военного деспотизма, исламского клерикализма, звено империалистических блоков СЕАТО и СЕНТО. Поддерживать его – значило лить воду на мельницу тех, кто готовил все это народу Индонезии.

Под стать пакистанскому был и другой «попутчик» Сукарно в «политике конфронтации» – проамериканский режим Филиппин, как нельзя кстати выдвинувший территориальные претензии к Малайзии и даже план конфедерации всех трех государств «малайского мира».

Многолетнее состояние «ни мира, ни войны» – то с сепаратистами, то вокруг Западного Ириана, то с Малайзией, – несло, кроме внешней, и внутреннюю угрозу, усиливая

социально-политические позиции милитаристской верхушки. Она была заинтересована в затягивании конфронтации, чего бы это ни стоило стране. Один из генералов даже заявил: пусть каждый год убивают по 70 000 добровольцев, все равно хватит на 300 лет. Не приводя к решительной развязке, в которой активную роль могли бы сыграть массы, затяжные конфликты позволяли «кабирам» в мундирах исподволь милитаризовать всю жизнь страны, формировать и продвигать нужные им кадры. Характерно, что огромными силами, стянутыми для несостоявшегося вторжения на Новую Гвинею, командовал будущий диктатор Сухарто.

Складывалась ситуация, против которой предостерегал В.И. Ленин: *«Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали о нас когда-нибудь горькой правды: **«Революционная фраза о революционной войне погубила революцию»**»*⁴⁰.

9. Специфика революционной ситуации.

Как можно охарактеризовать сложившуюся в Индонезии обстановку с точки зрения динамики революционного процесса и ее основного вопроса – о власти?

Между историками нет разногласий в том, что завоевание политической независимости (1945-49 гг.) представляло собой **национально-освободительную революцию**. После решительного слома колониально-оккупационной государственной машины (из бывших восточноазиатских колоний Индонезию **в этом плане** можно сравнить только с Вьетнамом) **революция стала перерастать в национально-демократическую**. Два с половиной года, по крайней мере в сердце страны – на Яве, блок пролетариата с радикальной мелкой буржуазией осуществлял революционно-демократическую власть при видной роли КПИ. Лишь ситуация «Брестского мира» привела этот блок к распаду. Буржуазно-помещичий лагерь попытался установить свою диктатуру, но не нашел в те годы достаточной опоры, чтобы ее стабилизировать.

Представляется, что после краха «либеральной демократии» в стране на ряд лет сложилась особая разновидность **двоевластия**. Как известно, сущность его состоит в параллельном существовании двух классово различных систем власти, объективно противостоящих друг другу, но до поры уживающихся и отчасти «взаимопроникающих» ввиду незрелости противоречий между ними. Однако в Индонезии

(как впоследствии в Чили) двоевластие имело немалую специфику. Не буржуазное правительство противостояло формируемым снизу органам рабоче-крестьянской власти (как в России 1917 г. и ряде других стран XX в.), а **военно-бюрократический аппарат, выступавший как параллельная власть, противостоял правительству народного фронта, опиравшемуся на КПИ как сильнейшую легальную партию и массовые организации трудящихся.** Роль последних в чем-то сопоставима с Советами и особенно фабзавкомом, способными, согласно Ленину, при известных условиях выполнить ту же роль. Этой спецификой определялись как сильные, так и слабые стороны длительного *революционного* процесса, имевшего, на мой взгляд, общие черты с развитием России в первые месяцы после буржуазно-демократического Февраля 1917 г.

Конечно, есть и существенные различия. Процессы, которые в России, с ее концентрированной индустрией и сильнейшим в мире рабочим, а также крестьянским движением, уложились в несколько месяцев (в Чили – в три года), в Индонезии растянулись на два десятилетия. Правительства, **опиравшиеся на поддержку НАСАКОМ,** не приходится уподоблять российскому Временному правительству мелкобуржуазных «демократов», послушных воле буржуазии и империалистических «союзников». Скорее можно провести аналогию с предлагавшимся Лениным в апреле-июне и сентябре 1917 г. союзом большевиков с эсеро-меньшевистскими Советами при условии взятия ими власти. В Индонезии подобный блок партии пролетариата с мелкобуржуазно-крестьянской демократией осуществился на практике, обеспечив на ряд лет, как и предполагал Ленин, мирное развитие революции.

В отличие от России (а позже Чили), где уже существовали частные монополии – как «импортные», так и сросшиеся с ними местные, – в Индонезии преобладал **госкапитализм, не столько исполнявший волю сравнительно слабой частной буржуазии, сколько сам выступавший ядром «государственно-частного» капитала – потенциально главного партнера империалистических монополий.**

В связи с объективно иным, чем в России, центральным вопросом демократической революции (не аграрно-крестьянским, а национально-антиколониальным, позже

антиимпериалистическим) она слабее затронула большинство народа – крестьянство. Абсолютное преобладание общенациональных целей, в отрыве от других демократических задач (чего, судя по письму Айдиту, мог опасаться Сталин), придало молодой государственности немало реакционных черт. В Европе XIX в. к подобному итогу привело объединение Германии, где национальные задачи «революции сверху» также доминировали над аграрными и всеми прочими. Поэтому неудивительно, что реальный облик политической системы Индонезии (и многих других стран «третьего мира») оказался не столь уж далек от Марксовой характеристики бисмарковского рейха: **«Обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»**⁴¹.

Каждое слово Марксовой формулировки применимо к режиму «управляемой демократии», возникшему, в отличие от классического двоевластия, не в ходе революционного слома старой военно-бюрократической машины, а уже в процессе формирования новой, впитавшей худшие доколониальные и колониальные традиции. К сожалению, это коснулось обоих компонентов двоевластия. Теневая диктатура «кабиров» вполне сопоставима с бисмарковской; но и Сукарно, опираясь на НАСАКОМ, постоянно прибегал к антидемократическим приемам: отмене выборов, «дрессировке» партий, выхолащиванию законодательной власти.

Общей картины не меняет ни наличие у данной политической системы, наряду с феодальными, «придатков» квазисоциалистических, ни влияние на власть, наряду с буржуазией, рабочего и крестьянского движения. Если такое влияние осуществляется не в условиях реальной демократии, хотя бы буржуазной, а в обстановке прикрытого фиговым листком «военного деспотизма», пролетарская партия рискует оказаться его пленником, а затем жертвой. В Германии XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали за уклон в эту сторону Ф. Лассалья, а затем Готскую программу социал-демократии. Приходится признать, что среднесрочные результаты в обеих странах оказались сопоставимы. И здесь и там к моменту фашистского переворота весь механизм диктатуры был готов, отлажен и смазан – оставалось только снять его с тормозов. Для уничтожения коммунистов Сухарто не понадобилось даже

приостанавливать конституцию 1945 г., дважды принятую при поддержке самих коммунистов...

Уже после катастрофического поражения, как обычно, не обошлось без перепевов плехановского «не надо было браться за оружие». Такую позицию, вольно или невольно возлагающую вину на самих погибших, мотивировали тем, что в стране «не было революционной ситуации»⁴². Как же обстояло дело в действительности?

Напомним ленинские «три главные признака» революционной ситуации, не зависящие «от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов»: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной **кризис «верхов»**, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов... 2) Обострение, выше обычного, **нужды и бедствий** угнетенных классов... 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, **активности масс...**»⁴³.

Были ли эти признаки налицо в Индонезии середины 60-х гг.?

Обострение «выше обычного» нужды и бедствий народных масс очевидно. К общему развалу производства, усугубляемому паразитизмом и коррупцией «кабиров», в последние годы добавилась экономическая блокада. Разрыв торговых связей с Малайзией лишил Индонезию трети внешних рынков. За 1961-1964 г. доходы от госсектора, и без того низкие, упали почти впятеро, индекс потребительских цен вырос в 20 раз. К 1965 г. состояние экономики давало основание говорить о банкротстве. Дефицит бюджета приближался к триллиону рупий. Денежная масса к концу 1964 г. составляла 600 млрд., а к сентябрю 1965 г. – 1500 млрд. За тот же неполный год доллар на черном рынке подорожал с 9 тыс. до 20 тыс. при официальном курсе рупии к валюте США 45:1⁴⁴.

Терпение народа подходило к концу. Отношение к власти, не способной навести в экономике элементарный порядок, стихийно приближалось к тому, которое в свое время отмечал у крестьян Ленин: «Ты - прекрасный человек, ты защищал нашу родину; мы тебя за это слушались, но если ты хозяйничать не умеешь, то поди вон»⁴⁵. Специфика Индонезии

состояла лишь в том, что подобное отношение к режиму долго не распространялось на его вождя.

Не подлежит сомнению и кризис «верхов». Как местные эксплуататоры, так и империалистические монополии исчерпали возможности сохранения своего господства «в неизменном виде». Позволяя «кабирам» обогащаться, режим «направляемой демократии» лишал их прямого доступа к политической власти, легитимации награбленного. Помещики и духовенство сохраняли земельную собственность, но под дамокловым мечом аграрной реформы. Резко враждебным режиму стал иностранный капитал, терявший в стране ключевые позиции.

«Верхи» и весь аппарат их власти, прежде всего вооруженные силы, все больше раскалывались. Ряды сторонников «направляемой демократии» редели, за ее фасадом вызревал реакционный блок, готовый расчистить путь к дальнейшему развитию капитализма методами военно-террористической диктатуры.

В то же время шло и нарастание активности передовой части масс, прямо по Ленину *«привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»*. В Индонезии имел место один из крайних случаев подчеркнутой **Владимиром** Ильичем тенденции: правящая прослойка «самих верхов», пытаясь балансировать между антагонистическими классами, вольно или невольно способствовала укреплению КПИ и руководимых ею массовых организаций трудящихся.

Аграрно-крестьянский вопрос революции, хоть и с большим опозданием, брал свое. Активная часть тружеников села – основная опора коммунистов – не могла и не хотела ждать обещанной земли неизвестно сколько. Ее настроения не могли не влиять на политику партии, пусть и связанной неравноправным союзом с властью. В начале 60-х гг. КПИ перешла от политики опоры на крестьянство к «интеграции с крестьянством». К середине 1964 г. всю страну охватили явочные захваты земельных излишков; Айдит назвал это движение *«революцией снизу»*.

Сукарно сделал некоторые шаги навстречу крестьянам: потребовал ускорения аграрной реформы, поддержал меры по устранению препятствий с ее пути, призвал к упрочению НАСАКОМ. **Но очень скоро сказалась нерешенность, по большому счету, вопроса о власти.** Самочинные действия

масс, выходявшие за рамки «направляемой демократии», стали использоваться реакцией для подготовки репрессий против коммунистов. Последовал очередной компромисс или, скорее, краткое перемирие между противостоявшими лагерями. В декабре 1964 г. лидеры КПИ и еще 9 партий в присутствии президента подписали декларацию об отказе от «*односторонних действий при решении аграрных конфликтов*» и обязались использовать «*метод переговоров и консультаций между крестьянами и помещиками*»⁴⁶. Насутион утверждал, что таким образом КПИ «удалось избежать удара». Вместе с тем, замораживание «революции снизу» не могло не дезориентировать сельских трудящихся.

В отношении империалистического капитала революция, наоборот, набирала силу. Раньше она затрагивала в основном голландский капитал, теперь распространилась на британский и американский. В январе 1964 г. по предложению КПИ началась конфискация имущества британских компаний. В апреле 1965 г. Сукарно призвал к национализации всех иностранных предприятий; в отношении «враждебных» стран допускалась конфискация. Уже летом 90% иностранного капитала перешло в руки государства или под его контроль. Важным аспектом разрыва с ООН стало прекращение связей с международными финансовыми организациями – МВФ и МБРР, официально **входившими в ее систему**. Все это **подрывало** интеграцию страны в мировое капиталистическое разделение труда.

С другой стороны, ослабление связей с капиталистическим миром, не компенсируемых никакими другими, лишь усугубляло хозяйственный развал. Отсутствие контроля трудящихся над экономикой теперь грозило стране полным коллапсом. Ребром встал вопрос: кто воспользуется плодами наступления на иностранный капитал – «кабиры» или трудовой народ.

10. Перед взрывом.

Все указывает на то, что пять лет президентского правления, особенно последние два года, стали временем формирования «**общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса**»⁴⁷.

Революционно-антиимпериалистические атрибуты режима Сукарно становились категорически неприемлемыми как для иностранных монополий и выполнявших их волю западных правительств, так и для **местных** эксплуататорских классов.

Этот факт вскоре обрел политическое выражение. Запрещенные, но не слишком преследуемые Машуми и СПИ объявили себя «естественными союзниками армии», если та свергнет президента. Более дальновидные из правых предпочли сделать «ход конем» – приватизировать сам культ «отца нации». В сентябре 1964 г. они создали «Общество защиты сукарноизма», поставившее целью отграничить его учение от «всех форм коммунистического мышления». Но президент, подтвердив союз с КПИ, запретил и общество своей «защиты», и вообще всякую интерпретацию своего учения. В апреле 1965 г. по его настоянию ВНКК наложил запрет на пропаганду против национализма, религии и коммунизма (!). Тем не менее, «Нахдатул Улама» и другие мусульманские организации открыто примкнули к антикоммунистическому фронту.

Правые военные начали выстраивать систему институтов своей диктатуры. Центром выступало Командование стратегического резерва (КОСТРАД) во главе с Сухарто. Официально его задачей считалась оборона Явы, но на деле оно уже готовило переворот и массовый террор. Власть на местах явочным порядком переходила к командующим военными округами.

Начал формироваться корпоративизм фашистского типа. В 1964 г. организационно оформилась система «функциональных групп», по сути альтернативная политическим партиям и народному фронту НАСАКОМ. 97 общественных организаций подчинили Объединенному секретариату функциональных групп, создав основу будущей «партии власти».

Готовя условия для установления диктатуры и подавления всех попыток сопротивления, милитаристы сосредоточили главные усилия в деревне. Со времен ЧП армейские командиры заправляли всеми сельскими делами: смещали и назначали старост, обучали администраторов. **Вскоре** армейская верхушка решилась, по выражению американского журналиста, «**вступить в соревнование с КПИ на поприще работы с массами**»⁴⁸. Насутион поручил части армии, освободившейся после ирианского конфликта, «гражданскую миссию», назвав ее «Операцией Труд». Эти военные вместе с крестьянами поднимали целину, строили и ремонтировали жилье, школы, медпункты, дороги, каналы и плотины, раздавали крестьянам продукты и семена, учили грамоте,

очистке воды. На фоне затягивания аграрной реформы «гражданская миссия» армии привлекала многих крестьян. Полезные дела сопровождались пропагандистской обработкой как солдат, так и крестьян в духе антикоммунизма.

В соответствии с доктриной Насутиона, «гражданская» деятельность военных увязывалась с подготовкой «обороны страны» армией совместно с крестьянами, как в войну с голландцами. Но на сей раз «враг» был не внешним, а внутренним. Деревню готовили не столько к войне, сколько к массовому террору. Вооруженные свиты землевладельцев, отряды религиозных фанатиков и банды уголовников сводились в систему погромно-террористических формирований. Подобные им в Латинской Америке через несколько лет станут известны, по названию одного из них, как «эскадроны смерти».

Лавирование режима между антагонистическими социально-классовыми блоками исчерпало себя, подведя вплотную к переходу всей полноты власти в руки одного из них. **Разрешить общенациональный кризис могла либо революционно-демократическая диктатура трудящихся при гегемонии пролетариата, которая открыла бы стране социалистическую перспективу, либо реакционная диктатура эксплуататорских классов** при гегемонии «кабиров» в мундире.

Конкретно-историческое своеобразие ситуации состояло в том, что вопрос о власти встал в повестку дня при наличии «смычки» главной революционной силы с лидером, официально возглавлявшим существующую власть. Уже посмертно руководителей КПИ нередко критиковали за слишком тесные отношения с Сукарно. Так, в «Обращении марксистско-ленинской группы КПИ» заявлялось, что «партия питала все большие иллюзии в отношении президента, что лишало ее свободы и вело к приведению политики и теории партии в соответствие с политикой и теорией Бунга Карно»⁴⁹. В этом виделся отход от положения программы партии о сохранении идейно-политической независимости.

Безусловно, для легальной партии рабочего класса одной из величайших опасностей является вращение в систему буржуазной власти. Эта истина многократно доказана опытом более чем столетия. Вместе с тем, чтобы не впасть в заблуждение, необходимо рассматривать вопрос конкретно-исторически. Специфика Индонезии конца 50-х – первой

половины 60-х гг. заключалась в том, что власть, в которую, в известном смысле, «врастала» КПИ, не была монолитной буржуазной властью. Это был особый вариант революционно-демократической диктатуры мелкобуржуазно-крестьянского блока, переплетавшейся (как и в России первой половины 1917 г.) с диктатурой буржуазии. Можно сожалеть, что это переплетение не характеризовалось выраженной гегемонией пролетариата, не создало рабоче-крестьянской демократии типа Советов. Но такова оказалась объективная реальность. Конечно, было бы лучше отделить политический союз от «врастания» партии во власть, избежать приведения ее идеологии к общему знаменателю с официальной. Но при господстве патерналистских традиций это, как показывает опыт многих стран, практически невозможно.

Что оставалось делать коммунистам? Позволить, как в дни Мадина, столкнуться с лагерем Сукарно? Это значило бы самим изолировать себя от масс «мархаэнов», боготворивших вождя. Именно этого ждали индонезийские корниловы и их вашингтонские кураторы. Тогда с КПИ покончили бы намного раньше, получив максимальный антикоммунистический резонанс мирового масштаба.

В реальности авторитет и даже культ Сукарно сыграли двойственную роль. С одной стороны, вынужденное согласие с ним во многом сковывало партию. Но, с другой стороны, можно было эту **все еще** мощную силу обратить не против себя, а против врага, вновь поддержав «бунга Карно» в момент реакционного мятежа. Таков был едва ли не единственный шанс повести за собой большинство полупролетарских и максимально возможную часть мелкобуржуазных масс, добиться в решающем пункте перевеса сил. Вообразим разгром корниловщины, представив **вместо** Керенского фигуру, подобную Сунь Ятсену...

К концу правления у Сукарно по существу не осталось организованной опоры кроме КПИ. 45-летие партии отмечалось как национальный праздник; рядом с государственными флагами реяли знамена с серпом и молотом. На митинге Айдит заявил, что *«между КПИ и Сукарно существует ясная и законная связь»*. Президент в свою очередь назвал КПИ *«мощным фактором в деле завершения революции»*, призвав *«все время идти вперед и не отступать»*⁵⁰.

Между президентом, выступавшим в блоке с компартией, и «кабирами», чью основную силу составляло ядро генералитета, завязалась непримиримая схватка. «Бунг Карно» взял на вооружение лозунг коммунистов: «Сокрушим экономическую династию». Было дано указание применять против «расхитителей» меры вплоть до расстрела. Сукарно добился от руководства НПИ и других партий НАСАКОМ исключения правых группировок и сближения с КПИ.

В декабре 1964 г. «Партия неимущего люда» («Мурба») – небольшая группировка «национально-социалистического» толка, основанная Тан Малакой, – выступила в той же провокационной роли, что в 1948-м: обвинила коммунистов в подготовке переворота. По требованию КПИ президент запретил «Мурбу». Однако весь штат ее газеты просто переместился в армейскую типографию.

Столкновение неумолимо приближалось. В августе 1965 г. президент публично присоединился к призыву ЦК КПИ «усилить революционное наступление». Верховный прокурор сообщил, что правосудие готово к ликвидации «кабиров». В сентябре левые несколько раз выходили на улицы Джакарты под лозунгом: «Смерть кабирам!» 8-9 сентября демонстранты-коммунисты осаждали консульство США в Сурабае. 14 сентября Айдит призвал партию к бдительности. Наконец, 30 сентября Народная молодежь и Союз женщин организовали в Джакарте массовую демонстрацию против инфляции и экономического кризиса. А накануне на студенческом митинге президент открыто призвал «раздавить генералов, которые стали защитниками контрреволюционных элементов»⁵¹.

Если это не революционная ситуация, то что следует считать ею?

Другой вопрос, что «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные...»⁵² Конкретизируя это важнейшее положение, Ленин подчеркивал: «С одним авангардом победить нельзя». Для победы необходимо, чтобы не только пролетариат, но и «действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом» на основе собственного опыта пришли к «позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по

отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника». Однако применительно к реальной истории Ленин сделал существенную оговорку: революционному классу приходится доделывать «после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания»⁵³.

Зловещая тенденция, подготовившая участие мелкой и средней буржуазии Индонезии в расправе с коммунистами, обозначилась еще до переворота. Сверху она проявлялась в переходе мелкобуржуазных партий от партнерства с КПИ к яркому антикоммунизму, снизу – в восприимчивости деревни к идеологической обработке со стороны милитаристов. Такого масштаба сдвиги в социальных настроениях невозможно объяснить лишь субъективными просчетами левых сил и умелой работой классового противника; у них не может не быть объективных причин. Международный опыт предостерегает от идеализации антиимпериалистического национализма средней и мелкой буржуазии, который по существу консервативен и всегда несет в себе возможность реакции. Эта возможность превращается в действительность, когда организованный пролетариат добивается успехов в борьбе за свои права. Мелкое производство, особенно в зависимых странах, экономически не может себе позволить ни 8-часового рабочего дня, ни социальных пособий, ни других мер, к которым классовая борьба пролетариев принуждает крупный капитал. Средний буржуа выдерживает давление монополий лишь ценой выжимания всех соков из своих работников, мелкий – из себя самого и членов своей семьи. Поэтому средняя буржуазия готова терпеть организацию рабочих, пока та лишь ослабляет угрозу экспроприации ее самой крупным капиталом, но становится злейшим врагом пролетариата, едва почувствует «дурной пример» для своих наемных работников. С мелкобуржуазными массами среднюю буржуазию и кулачество сближает не только приверженность частной собственности, но и враждебность всему, что колеблет устои патриархальной семьи и рассеивает мрак религиозного мракобесия, освящающего эксплуатацию, подчас полурабскую, внутри и вне семьи. Закономерно, что особую ненависть клерикально-милитаристской реакции коммунисты Индонезии, как и многих других стран, снискали организацией молодежи и женщин, защитой светского просвещения и науки.

Настроения обскурантизма, всегда дремлющие в мелкобуржуазном сознании, усиливаются в условиях экономического и политического кризиса, бьющего по мелкой и средней буржуазии в первую очередь. В Индонезии ситуация отягощалась тем, что мелкобуржуазные массы, разочаровываясь в системе «направляемой демократии», воспринимали компартию как ее часть. Вину за бесхозяйственность и коррупцию «кабиры» ловко перекладывали с себя на коммунистов. Особенно восприимчива к демагогии оказалась учащаяся молодежь из мелкобуржуазной среды, рассчитывавшая на карьеру, но в условиях кризиса не видевшая для себя перспектив. Копившееся озлобление главные виновники кризиса умело обращали против коммунистов.

В отличие от России 1917 г., Китая и Вьетнама 40-х, Кубы конца 50-х гг., пролетариат и крестьянство Индонезии не обладали своей военной организацией и оружием. Армия не представляла собой вооруженного народа и не была дезорганизована военным поражением. Соотношение военно-политических сил имело черты сходства с испанским лета 1936 г. В **обеих странах** назревал военно-фашистский мятеж против правительства Народного фронта; и там и здесь верность республике сохраняли ВВС и ВМФ, а на стороне ее врагов оказалось большинство сухопутной армии (по утверждению Насутиона, лишь 10% армейских офицеров симпатизировало коммунистам). В свое время Энгельс и Ленин считали правильным при подобных условиях не начинать восстания, а выждать, пока противник «выстрелит первым», нарушит собственную легальность. Именно так произошло в Испании (да и в России в момент корниловщины). Однако с тех пор данный вариант «активной обороны» революционных сил не удалось повторить нигде. Видимо, это объясняется, во-первых, большей силой и сплоченностью реакционного ядра армии (в России ослабленного затяжной войной, а в Испании, наоборот, длительным отсутствием серьезных войн); во-вторых, усилением международных факторов классовой борьбы. Интервенция, начинающаяся практически сразу (а не спустя месяцы, как в России, или недели, как в Испании), или даже угроза такой интервенции склоняет чашу весов в пользу контрреволюции. Перед глазами был опыт Гватемалы (июнь 1954 г.), Аргентины (сентябрь 1955 г.), Ирака (февраль 1963

г.), Бразилии (март-апрель 1964 г.), Алжира (июнь 1965 г.). «Стрелявшие первыми» везде выходили победителями...

Изменить неблагоприятное соотношение сил руководители КПИ рассчитывали двумя путями, уже известными истории.

Одним было создание народного ополчения. В начале 1965 г. Айдит предложил вооружить рабочих и крестьян «в целях борьбы с Малайзией». Сукарно также обещал «в случае необходимости» вооружить народ. Чжоу Эньлай предлагал поставить 100 тыс. винтовок для ополчения. Однако из четверых командующих видами вооруженных сил только О. Дани согласился на вооружение народа. На авиабазе близ Джакарты начали проходить военную подготовку две тысячи бойцов «Народной молодежи». Но этого было мало для сопротивления назревавшему перевороту.

Другим противовесом «кабирам» в мундирах должно было стать введение в армии своего рода института политкомиссаров. Коммунисты не претендовали на монополию: Айдит предложил всем партиям НАСАКОМ создать комиссии, которые направляли бы деятельность вооруженных сил совместно с командующими. Но снова один О. Дани пошел навстречу – даже ввел в летных училищах курс марксистской теории. Остальные командующие категорически заявили: «Комиссары в армии не нужны».

Доверяя О. Дани, Сукарно назначил его главой объединенного командования на малайзийском направлении. Но армейская верхушка, ранее толкавшая страну к войне, уже развернулась «кругом»: продолжение конфронтации теперь грозило ей самым опасным – демократизацией вооруженных сил. С конца 1964 г. Сухарто поддерживал тайные контакты с малайзийскими военными.

Объективный характер массовой базы контрреволюции показывает, что в данной конкретной ситуации было бесполезно, хуже того – губельно ожидать более благоприятного соотношения сил. Предотвратить катастрофу можно было только одним путем – использовав все шансы на вступление революции в новый, народно-демократический этап, открывающий как пролетарским, так и мелкохозяйским массам зримую перспективу лучшей жизни.

11. Проигранная схватка.

Ситуацию, сложившуюся в Индонезии осенью 1965 г., можно охарактеризовать ленинскими словами: «История сделала

коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный»⁵⁴. Судьба страны зависела от перевеса вооруженной силы того или иного лагеря в решающий момент.

В антикоммунистических армейских верхах сложилось две группировки. Одну составляли генералы, начавшие службу еще при голландцах, другую – генералы и полковники помоложе, большей частью прошедшие японскую выучку. Лидером первой был Насутион, второй – Сухарто. Обе группы роднил антикоммунизм, обе готовили переворот. Но и разделяло их немало – от карьерного соперничества до идейно-политических различий. Первые склонялись к «третьемирскому» национализму, вторые – к фашизму. Были и противоречия иного свойства: едва вступив на министерский пост, Насутион провел расследование коррупции в военном округе, где командовал полковник Сухарто. Вскрылась неприглядная картина: поборы «на нужды армии», контрабандный бизнес с Таиландом, «деловые» связи с щедрыми на взятки коммерсантами-хуацяо. Насутион едва не отправил коррупционера в отставку, но у того нашлись высокие покровители. Генерал-бизнесмен, ставший к 1965 г. долларовым миллионером, ничего не забыл и не простил.

В сентябре 1965 г. вице-премьер и министр иностранных дел Субандрио, находясь с визитом в Каире, опубликовал письмо в Форин Офис британского посла в Джакарте. В нем говорилось, что Соединенное королевство и США стоят на стороне «совета генералов» во главе с Насутионом и Яни, готовящего свержение Сукарно, и готовы поддержать его совместной интервенцией.

Достоверность «секретного документа» сомнительна. Трудно представить, чтобы в одном заговоре участвовали **соперники** – Насутион и Яни; о главном средоточии заговора – группе Сухарто – в депеше нет ни слова. Вся история с письмом как две капли воды похожа на действия империалистических разведок в канун трагических событий в СССР 30-х гг. Увы, и в Индонезии 60-х провокация сработала.

Руководство КПИ выступило с заявлением о подготовке «советом генералов» переворота. 20 сентября президент потребовал от Насутиона и Яни объяснений. Разумеется, те заявили, что у военных нет преступных планов. Но тревожная информация продолжала поступать. Сукарно столь мало доверял генералам, что в обход военной иерархии лично дал распоряжения на случай чрезвычайных обстоятельств

командиру одного из батальонов полка президентской охраны – полковнику Унтунгу. Тот сформировал из доверенных офицеров группу по предотвращению заговора. В замысел, кроме Субандрио, главкома ВВС Дани и генерала Супарджо, было посвящено несколько руководителей КПИ во главе с Айдитом. Но и члены ЦК, и даже часть Политбюро, а тем более рядовые коммунисты, как и вся страна, оставались в неведении о назревающем столкновении.

29 сентября О. Дани лично сообщил президенту о подготовке «превентивной акции». Нейтрализовать «совет генералов» намечалось в ночь с 30 сентября – годовщины Мадиуна – на 1 октября, праздничную дату КНР. На приеме в Пекине посланцы Сукарно поторопились заявить о ликвидации заговора и даже о том, что обе страны отныне будут праздновать победу в один день.

Вначале все шло по плану: войска Супарджо взяли под контроль президентский дворец и радиостанцию, батальон Унтунга задержал подозреваемых. Но дальше пошли непонятные (или кем-то направляемые из-за кулис?) просчеты. Насутион укрылся в иракском посольстве, пока задерживали его адъютанта, необычайно похожего на шефа (надо полагать, специально подобранного двойника). Шестерых генералов доставили на базу ВВС; но там они, вместо того чтобы остаться под стражей для следствия или хотя бы в качестве заложников, были при неясных обстоятельствах убиты. Главное же – остался не только на свободе, но и на ключевом посту командующего КОСТРАД **генерал Сухарто**. Именно он был более всех заинтересован в устранении старших генералов как своих служебных и политических соперников. Надо полагать, «контрзаговорщики», памятуя о переговорах Сухарто с мадиунскими повстанцами и его вражде с «советом генералов», надеялись найти с ним общий язык. Возможно, у них не хватало сил для одновременного разгрома обеих враждебных группировок. Так или иначе, игнорирование «деловой» карьеры Сухарто, делавшей его подлинным лидером «кабиров», как и его связей с США и Малайзией, ничем нельзя оправдать.

Утром 1 октября радио сообщило о выступлении **«Движения 30 сентября»** против руководимой ЦРУ контрреволюции, активизировавшейся на фоне ухудшения здоровья президента. Подчеркивая, что Сукарно в

безопасности, Унтунг призвал военных **последовать** **примеру**. Омар Дани поддержал «Движение».

Но тем же утром командование сухопутными войсками принял Сухарто, а Насутион поручил ему подавить «мятеж». Было объявлено военное положение, реальная власть целиком перешла к командующим округами. Сукарно укрылся на авиабазе, где проходили военное обучение молодые коммунисты. Туда же прибыли командующие ВВС и ВМФ, а также часть руководства КПИ во главе с Айдитом. Казалось бы, готовый штаб восстания. Однако президент отказался поддержать какую-либо сторону, призвав лишь прекратить кровопролитие и... свернуть «Движение».

Со своей стороны, участники «Движения», подтвердив президентские полномочия «великого вождя революции», распустили его кабинет, а правительственную власть до всеобщих выборов вручили военно-гражданскому Революционному совету во главе с Унтунгом. В Ревсовет включили командующих ВВС и ВМФ, двоих вице-премьеров, представителей КПИ и других партий. Первые его декреты, ставшие и последними, имели военно-административный характер, не предусматривая никаких социально-экономических мер, способных снискать поддержку народных масс.

«Движение» не предпринимало активных действий, вновь подтверждая, что *«оборона есть смерть вооруженного восстания»*. Теряло оно и необходимый для победы *«моральный перевес»*⁵⁵. Не видя перспективы, войска «Движения» стали переходить на сторону «законной власти». К вечеру 1 октября силы Сухарто и Насутиона установили контроль над столицей.

Доныне распространена «версия» организаторов геноцида, будто они «защищались» от насильственного переворота, подготовленного коммунистами. Поверить в нее можно, лишь приняв руководителей старейшей в Азии компартии за клинических безумцев или самоубийц. Достаточно лишь сопоставить «события 30 сентября» с известными каждому грамотному коммунисту ленинскими принципами отношения к восстанию как к искусству:

1. *«Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца».*
2. *Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент...*

3. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление...
4. Надо стараться захватить врасплох неприятеля...
5. Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «моральный перевес»⁵⁶.

Очевидно, что все эти требования в данном случае были проигнорированы. Представить такую степень некомпетентности (и/или подконтрольности провокаторам) кадров, получивших в юности коминтерновскую закалку, невозможно. Убедителен лишь один вывод: **восстания КПИ не готовила и не начинала**. Очевидно, ее **руководители**, вместе с Сукарно и лидерами КПК, ориентировались не на революционное решение вопроса о власти, а на политический компромисс. Находя соотношение сил недостаточно благоприятным, они до последнего момента рассчитывали уклониться от решительного боя посредством очередной «передвижки власти» в верхах.

Таким образом, главная беда состояла не в переоценке, а в недооценке зрелости революционной ситуации. Между тем, одна из ее черт выражается ленинским: **«Нельзя ждать! Можно потерять все!»** **И самая** сильная партия не может бесконечно оттягивать развязку назревшего кризиса: в наэлектризованной атмосфере рано или поздно произойдет «разряд». В **политическом** руководстве и/или «силовых структурах» найдется группа лиц, которая по тем или иным мотивам (нетерпения, отчаяния, провокации) попытается нанести врагу удар, не опираясь на массовую организацию и не умея **«отнестись к восстанию, как к искусству»**. **Даже в России 1917 г. Ленин отмечал случай, похожий на «события 30 сентября»:** к апрельскому выступлению петроградских рабочих, кроме большевистской партии, **«примкнул совершенно независимо от нее покойный Линде, выведший на улицу 30 000 вооруженных солдат, готовых арестовать правительство»**⁵⁷. Сходную ситуацию выявил и июльский кризис.

Партия, поставленная перед фактом импровизированного выступления, всегда рискует многим. В подобном случае Ленин даже находил возможным, **«не греша против истины, поставить вопрос так: правильное было бы взять власть,**

ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами». Для лета 1917 г. он все же признавал решающей неполную зрелость *«объективных условий для победы»*⁵⁸. Но в России и после июльской неудачи время продолжало работать на пролетариат, сохранивший классовую организацию: Советы и, главное, большевистскую партию, закаленную недавним подпольем. Советскую организацию имели и крестьянство, и массы солдат и матросов. Иное дело – Индонезия, где рабочие, сельский пролетариат и передовая часть крестьянства были политически представлены не Советами, а *легальными* массовыми организациями, работавшими под руководством *легальной* массовой КПИ, а также левым *меньшинством* вооруженных сил. История не раз показывала, что организация такого типа, непобедимая при «мирном» ходе политической борьбы, обречена на разгром, если будет поставлена перед фактом **вооруженной схватки** за власть и окажется к ней не готова.

Коммунистам и их союзникам поистине нечего было терять. Убедившись, что столкновение неизбежно, следовало, по предоктябрьскому совету Ленина, всю свою политическую армию *«двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции»*⁵⁹. **В** Индонезии, как ранее в России и Китае, имелась объективная возможность «отвоевать» у врага большую часть его социальной базы, провозгласив аграрную реформу, противопоставив коррупции и саботажу рабочий контроль, предложив вместо **бесперспективного** состояния «ни мира, ни войны» демократический мир либо, в крайнем случае, антиимпериалистическую отечественную войну. Но эта возможность открывалась не уклонением от схватки за власть, а победой в ней. К сложившейся ситуации можно отнести ленинские слова: *«Перед нами – исключительные выгоды положения, когда только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда только наша победа в восстании даст крестьянству землю немедленно; когда только наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции»*⁶⁰.

В то же время для индонезийских коммунистов было особенно актуально ленинское предостережение: *«В революционное время недостаточно выявить «волю*

большинства», – нет, **надо оказаться сильнее в решающий момент в решающем месте, надо победить... Мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его»⁶¹.**

Почему в ключевой момент партия не смогла проявить политической воли? Едва ли дело в психологической неготовности коммунистов и организованных трудящихся к решающему бою: как ход предшествующих событий, так и чудовищность репрессий врага убеждают нас в обратном. Видимо, сказались факторы, **массам** не известные, действовавшие именно на политическое руководство.

Важнейшим из них представляется раскол мирового социализма. Тот факт, что в начале советско-китайского конфликта КПИ приняла сторону Пекина, определялся прежде всего **внутренними условиями** Индонезии, приближавшейся к решающей схватке за власть. Навязываемые из Москвы большинству компартий установки «мирного пути» этим условиям никак не отвечали. Пекин хотя бы в принципе призывал к революционному завоеванию власти, но его концепция «народной войны» также не отвечала индонезийским условиям, а абсолютизация **китайского** опыта блокирования **коммунистов** с «национальной буржуазией» побуждала к поискам компромиссов в любой ситуации. **Главное же, по всей видимости, состояло в том, что лагерь социализма уже не был в состоянии надежно защитить революцию от империалистической агрессии. Даже Демократическая Республика Вьетнам, сама к этому лагерю принадлежавшая, не получила тогда гарантий, подобных тем, что были еще недавно предоставлены Кубе, и подверглась бомбовому террору Пентагона.**

Перехваченная (или умело подброшенная) депеша в Форин Офис давала понять: в случае гражданской войны последует интервенция. Осенью 1965 г. это выглядело правдоподобно: так только что произошло в Южном Вьетнаме, Доминиканской Республике и Конго. Конечно, далеко не факт, что Вашингтон, увязший во вьетнамской трясине, решился бы на новую **масштабную** авантюру; Лондону в одиночку это было вовсе не по силам. И все же лидеры КПИ и их союзники не могли не задаваться вопросом: что если превосходящие силы агрессоров уничтожат революционные ВВС и ВМФ, блокируют

70-миллионную Яву? Что ждет тогда Индонезию? Бомбежки и голод при бесперебойном снабжении контрреволюционеров? А к чему это подтолкнет весь мир? К фашистским переворотам в ведущих империалистических столицах? К региональной войне с вовлечением социалистических стран и угрозой всепланетной термоядерной катастрофы? В сложившихся на тот момент международных условиях трудно было противостоять соблазну «политического решения», предотвращающего гражданскую войну. Сильная сторона коммунистов – ответственность за судьбы своего народа и всего человечества – при известных условиях, как и все на свете, чревата своей противоположностью...

12. Катастрофа.

Тем же утром 2 октября, когда исход противоборства был предрешен, газета КПИ «Хариан ракьят» опубликовала передовицу в поддержку «Движения 30 сентября» и его декреты. Характерно, что генералы, не раз закрывавшие центральный орган компартии, не препятствовали выходу этого номера: они получали долгожданный повод для разгрома главного противника.

Как только восставшие сложили оружие, армейское командование созвало совещание ряда партий, кроме коммунистов и левых националистов. Без всяких доказательств выступление Унтунга объявили делом КПИ и Пекина. Даже в сегодняшней «Википедии» констатируется: *«Доказательства связи компартии с «Движением 30 сентября» были косвенными, **существовало предположение, что восстание организовал Сухарто для захвата власти и организации расправы с КПИ**»⁶².*

Расчет врага был точен. Еще вчера КПИ и «Движение» выступали защитниками Сукарно от заговора контрреволюции, теперь же их самих выставляли заговорщиками против вождя. Напрасно сам «бунг Карно», остававшийся президентом, «назначал» новое командование армии, «защищал» КПИ, сулил стране «политическое решение» – реальной власти у него уже не было. Оставался лишь призрак, обернувшийся против тех, кто еще вчера писал его имя на знаменах. Теперь под прежним лозунгом «защиты революции, Сукарно и его учения» шли массовые аресты прогрессивных деятелей.

С особым усердием антикоммунисты эксплуатировали неведомо чью расправу над шестью генералами. Убитые и

«чудом» спасшийся Насутион в глазах большинства народа оставались героями антиколониальной борьбы; намеки президента на то, что вчерашний герой может стать сегодняшним врагом, понимали немногие. В общественное сознание вбросили страшилку в духе будущих «красно-коричневых» – для «Движения 30 сентября» сочинили аббревиатуру ГЕСТАПУ. В условиях военного положения партия не могла опровергнуть лживые обвинения.

4 октября под председательством правых исламистов был образован «Координационный центр по разгрому контрреволюционного (!) движения 30 сентября». Организованные им, под охраной военных, антикоммунистические демонстрации вылились в поджоги зданий ЦК КПИ, профсоюзов, Народной молодежи и женского союза.

5 октября КПИ официально отмежевалась от «Движения», рекомендовала коммунистам выйти из Ревсовета. Но было поздно. Впоследствии «марксистско-ленинская группа КПИ» пеняла руководству партии, что оно в условиях переворота не пыталось мобилизовать массы на сопротивление, полностью возложив надежды на президента Сукарно, на его «политическое решение», а не на силу и организованность своих сторонников⁶³. Думается, однако, что время проявлять силу и организованность уже было упущено. После разгрома левых военных и ополченцев безоружный народ не мог противостоять вооруженным до зубов карателям.

8 октября деятельность КПИ и примыкавших к ней организаций была запрещена в Джакарте, такие же меры приняты в других военных округах. 13 октября боевики «Нахдатул Улама» развязали террор на Яве, за пять дней от их рук погибло не меньше ста коммунистов. Но это было только началом трагедии.

16 октября Сукарно вынудили скрепить своей подписью назначение Сухарто командующим сухопутными войсками. На следующий день парашютисты в красных беретах начали карательный поход по сельской Яве. Здесь не арестовывали почти никого. Под дулами автоматов крестьян заставляли убивать всех, кто числился в черных списках. Муллы оправдывали резню волей Аллаха и заверяли убийц, что те «служат исламу и государству». Староста представлял военным властям списки убитых для отчета и регистрации.

Волна классовой мести «кабиров», помещиков и клерикалов захлестнула всю страну. Все правые партии обзавелись своими «эскадронами смерти». От палачей в мундирах не отставали палачи в зеленых повязках, от исламистов – католические боевики. Точных данных о числе жертв нет. Да и откуда им взяться там, где реки не просто покраснели от крови, а были забиты трупами настолько, что по ним не могли пройти суда?

Оцепеневшее от ужаса большинство нации ждало спасения от Сукарно, которому все еще поклонялось. Это массовое настроение ненадолго вернуло ему тень власти. Он осудил массовые убийства, публично напомнил о заслугах КПИ перед страной, смог даже отменить чрезвычайное положение.

«Кабирь» в мундирах, вероятно не без подсказки западных инструкторов, предпочли воздержаться от силового свержения «отца нации». Это еще грозило гражданской войной. Решено было постепенно дискредитировать его «демократическими» методами, используя усталость народа от социально-экономических невзгод. Роль запала отводилась излюбленному адресату демагогов – учащейся молодежи, при капитализме комплектуемой большей частью из верхних и средних слоев, еще мало искушенной в жизни и политике. На фоне кровавого кошмара началось нечто предвосхищавшее знакомый теперь «майдан». Студенческий «Фронт действий» выдвинул «три требования народа»: запретить КПИ, очистить кабинет от «прокоммунистических» и «некомпетентных» лиц, снизить цены на предметы первой необходимости.

Безвластный парламент, дрожа перед генералами и погромщиками, «заморозил» мандаты коммунистов и обратился к президенту с «просьбой» распустить КПИ. Сукарно отказался, но обошлись и без него. Приказами командующих округами 22 ноября партию поставили вне закона. 7 декабря военные опубликовали список 16 запрещенных массовых организаций.

Продолжалась охота на лидеров КПИ. В тот же черный день 22 ноября карателям-парашютистам удалось выполнить приказ «схватить Айдита лучше мертвого, чем живого». Председатель КПИ был доставлен в штаб полка и после допроса убит. В декабре был убит Ньото, в апреле 1966 г. – Лукман.

17 декабря 1966 г. журнал «Time» писал: «Коммунисты и сочувствующие им лица, а также члены их семей

уничтожаются тысячами. Армейское руководство сообщает о казни множества коммунистов в отдалённых тюрьмах после допроса. Вооружённые парангами — ножами с широким лезвием, мусульманские фанатики подползают к домам коммунистов, убивают всю семью и закапывают тела в неглубокие могилы. Убийства проводятся всё более жестоко, в сельской местности Восточной Явы банды мусульманских фанатиков вешают головы убитых на шесты и выставляют на обозрение перед сёлами. Убийства приняла такой масштаб, что разложение трупов создаёт серьёзные санитарные проблемы. Многие малые реки и ручьи буквально завалены трупами».

Трагедия прикрывалась фарсом. Президент повторял как заклинание, что отказывается запретить КПИ, возможно и сам не сознавая, что оспаривать у армии реальную власть уже поздно. Военные предоставили его кабинету агонизировать еще несколько месяцев – при отчаянном экономическом положении надо было на кого-то сваливать «непопулярные» меры. Сукарно даже позволили сформировать в феврале 1966 г. новый кабинет с участием опального Омара Дани и снять с поста Насутиона... чтобы расчистить дорогу Сухарто, предусмотрительно избегавшему нападок на президента. Но тут же на правительство натравили «революционных студентов», которые блокировали президентский дворец. Охрана открыла огонь, один студент погиб. Президент запретил «Фронт действий», но «майдан» продолжался как ни в чем ни бывало; только в первые ряды ставили не студентов, а школьников. Участники «праздника непослушания» захватили несколько министерств, повесили там чучела министров.

Но стоило президенту 11 марта собрать кабинет, как его дворец окружили уже не школьники, а каратели-парашютисты. «Вождь» был вынужден предоставить генералу Сухарто полномочия по «обеспечению безопасности и порядка». На следующий день тот подписал – от имени Сукарно, но без консультации с ним – декрет о запрещении компартии. Затем негодные министры были арестованы «в целях защиты от гнева народа». Сбылась и заветная мечта капиталистов – был запрещен профцентр SOBSI.

Сухарто сформировал свой кабинет, больше чем наполовину военный. Под охраной провели съезд Национальной партии, «очистивший» ее руководство от левых. Из тюрем выпустили

бывших мятежников, включившихся в травлю президента. Летом 1966 г. ВНКК (его председателем был избран Насутион) лишил Сукарно звания пожизненного президента и права издавать декреты, а главой правительства утвердил Сухарто. Тогда же был узаконен роспуск КПИ и введен **запрет пропаганды коммунистической идеологии**, остающийся в силе до сих пор.

Министром иностранных дел назначили Адама Малика, бывшего лидера соцпартии и посла в СССР на исходе «оттепели». Первым его делом стало соглашение с Малайзией о прекращении конфронтации. Президента проигнорировали, заявив, что документ имеет силу и без его подписи (!).

Через неделю, в День независимости, «бунг Карно» в последний раз говорил с трибуны. Это не была речь побежденного, какой от него ждали. Тяжелобольной старик бросил в лицо лидерам «нового порядка», что сохраняет всю полноту власти. Он дал отповедь нападкам, вновь осудил убийства коммунистов и подчеркнул верность НАСАКОМ. Подтвердил и принципы внешней политики: сплочение «новых нарождающихся сил», реорганизацию ООН, непризнание Малайзии, отказ от долговой кабалы: *«Индонезия не может попрошайничать у других стран, особенно у своих врагов»*⁶⁴.

Но за гордыми словами уже не стояла сила. Насутион заявил, что Сукарно выражает лишь личное мнение. Вопреки ему правительство отказалось от конференции «новых нарождающихся сил», вернуло страну в ООН. Начались судилища над его сподвижниками: Дани, Субандрио, Супарджо. Парламент, еще недавно покорный «вождю», предлагал судить и его. Того же требовал Насутион. Но осторожный Сухарто не желал рисковать.

12 марта 1967 г., в годовщину роспуска КПИ, сессия ВНКК без голосования, путем излюбленного Сукарно «консенсуса», возложила на него ответственность за «косвенное» поощрение «Движения 30 сентября» и защиту его лидеров. Он был освобожден от функций главы государства как «не выполнивший свои конституционные обязанности» (можно подумать, его обвинители блюли конституцию!) и лишен права на политическую деятельность. Формально за ним оставили звание президента. Решить его судьбу «в соответствии с юридическими нормами» (!) предоставлялось генералу Сухарто, назначенному и.о. президента. На улицах массовка

скандировала: «Сукарно конец. Да здравствует Сухарто!» До боли похоже на нынешние майданы и «политические суды»...

Сухарто «милостиво» обещал относиться к старику «как к президенту, но президенту, лишенному власти». Однако стоило основанной им Национальной партии торжественно отметить день его рождения и свое 40-летие, как ее деятельность была «приостановлена», а «президент» посажен под домашний арест. Армию и парламент очистили от его сторонников.

В марте 1968 г. сессия ВНКК назначила Сухарто президентом, пообещав выборы через пять лет, «если будет на то воля Аллаха».

21 июня 1970 г. основатель Республики Индонезия ушел из жизни. Но и тогда не обрел свободы – к его могиле допускали лишь избранных по специальному разрешению...

13. Кому выгодно?

В 2004 г. на Индонезию обрушилось небывалой силы цунами. Одним из последствий бедствия, если верить прессе, стала находка сейфа, где каким-то чудом обнаружился сверхсекретный **приказ об уничтожении всех коммунистов**. Бессудный приговор миллионам людей был подписан заместителем Сухарто генералом Мокогинта в полночь 1 октября 1965 г. Существование подобного приказа можно было предполагать. Необычно другое: через считанные часы, утром 2 октября, сверхсекретный документ командования индонезийской армии лежал на столе... президента США Линдона Джонсона!⁶⁵

В отличие от левых, контрреволюционный лагерь действовал целенаправленно, руководствуясь перспективной стратегией. Его важнейшим преимуществом была международная организованность, уже утрачиваемая коммунистами и мировым социализмом. Возможности «тихой» интервенции увеличивала экономическая зависимость страны. Даже после экспроприации большей части иностранного капитала одна из главных экспортных отраслей – нефтяная – оставалась большей частью в руках англо-американских монополий.

Лишь спустя много лет стали известны, и то далеко не вполне, масштабы «вклада» международного империализма в подготовку индонезийской контрреволюции.

За океаном весьма оперативно реагировали на «коммунистическую угрозу». Еще с 1956 г. началось обучение

группы индонезийских студентов в Калифорнийском университете в г. Беркли. «В фонде Форда полагали, что деньги тратятся на подготовку людей, которые поведут за собой страну после ухода Сукарно», – объяснял позднее Джон Ховард, возглавлявший там международную программу обучения и исследований. «Берклийская мафия», как ее прозвали, сотрудничала с военными заговорщиками, готовясь к дню, когда правительство «внезапно рухнет». По мере назревания кризиса Фонд Форда перешел к финансированию разработки «чрезвычайных планов» на случай «захвата власти КПИ». Под надзором профессоров, командимуемых тем же фондом, выпускники Беркли организовали в Индонезийском университете не только экономическое отделение американского образца, но и «студенческую оппозицию», вскоре запятнавшую руки кровью. С 1962 г. индонезийская резидентура ЦРУ, которой руководил будущий директор управления Уильям Колби, составляла списки «внутренних врагов», их помощников и сочувствующих.

Администрация Дж. Кеннеди, опасавшаяся вовлечения во вьетнамскую войну, еще рассчитывала обеспечить интересы США в Юго-Восточной Азии «мирным» путем, оторвав Сукарно от КПИ. Даже в моменты на грани войны Пентагон не прерывал сотрудничества с индонезийской армией. Насутион лично заверял посла США, что не допустит коммунистов в правительство. Но после далласских выстрелов США взяли курс на эскалацию войны в Индокитае и «зачистку» тылов. «Честные» националисты стали лишними. В роли фаворита Пентагона и ЦРУ Насутиона сменил Сухарто.

Согласно документам, частично рассекреченным лишь в июне 2015 г., полвека назад Индонезия была одной из основных тем обзоров ЦРУ, каждое утро ложившихся на стол президента Л. Джонсона. Многие до сих пор скрываются от общественности под предлогом обеспечения «национальной безопасности». Однако стало известно, что ЦРУ получило установку на высшем уровне **«ликвидировать президента Сукарно в зависимости от ситуации и имеющихся возможностей»**. В то же время из рассекреченного в 2001 г. документа другой американской спецслужбы – Агентства национальной безопасности – явствует, что **главной задачей ЦРУ в Индонезии было уничтожение КПИ**.

Сразу после переворота правительство США приказало ЦРУ передать «черные списки» новым властям. «Списки

передавались по частям, их возглавляли высшие руководители коммунистической организации. Тысячи имен были переданы одному индонезийскому эмиссару в течение нескольких месяцев. Получателем был помощник Адама Малика, министра индонезийского правительства, который был союзником Сухарто в атаке на коммунистов». Тогдашний глава резидентуры Джозеф Лазарски спустя много лет поведал, что эта деятельность координировалась высшим руководством ЦРУ, а «собранная информация превосходила все, чего смогла добиться местная служба шпионажа»⁶⁶.

«Информированием» убийц в Вашингтоне не ограничились. ЦРУ выделило специальные фонды для взяток военным, оплаты их «советников», формирования, обучения и содержания террористических банд. Даже холодное оружие, которым убийцы приканчивали свои жертвы, поставлялось из США, правда не ЦРУ, а Пентагоном.

В отчете ЦРУ признавалось: **«По срокам и числу убитых антикоммунистическая резня в Индонезии стоит на первом месте среди самых ужасных убийств XX века»**⁶⁷. Как стало известно позже, «тихие американцы» лично участвовали в массовом терроре. Бывший сотрудник посольства США в Джакарте спустя 25 лет рассказывал: «Это было большой помощью для их армии. Вероятно (!), я убил кучу народа, и, возможно (!), на моих руках много крови, но это не так уж плохо. Бывает, что тебе надо бить со всей силой и в решающий момент». Посольство регулярно получало отчеты об убийствах. Агенты ЦРУ с дипломатическими паспортами аккуратно вычеркивали имена из списков, пока не отметило, что «красные» ликвидированы. «Нью Йорк Таймс» назвала содеянное **«лучшим для Запада известием из Азии за долгое время»**⁶⁸.

Между прочим, окончательный запрет КПИ и убийство Айдита произошли 22 ноября, точно во вторую годовщину убийства Дж. Кеннеди. Совпадение? Может быть...

Официальный Вашингтон был главным, но не единственным спонсором преступления. Ответственность с ним разделяют ближайшие союзники по НАТО. Британская спецслужба МИ-6, обладающая давними связями в исламском мире, подключилась к кампании ЦРУ по дезинформации мусульман относительно «зверств» индонезийских коммунистов. Военные суда Соединенного Королевства охраняли транспорты, перевозившие карателей.

По данным весьма осведомленного журнала «Шпигель», разведслужба ФРГ, возглавляемая бывшим нацистским генералом Рейнхардом Геленом, предоставила «оружие, радиостанции и около 300 тысяч марок для переворота Сухарто». Во второй половине ноября 1965 г., в разгар массовых убийств, ФРГ посетили несколько сухартовских генералов, в их числе один из главных организаторов террора Сукендро. Помощник Гелена, в прошлом высший офицер СС Рудольф Эбсгер-Рёдер, стал ближайшим доверенным лицом и биографом Сухарто⁶⁹.

После переворота США, Япония, Нидерланды, Великобритания и другие страны-кредиторы создали международный консорциум для урегулирования проблемы внешнего долга Индонезии. За отсрочку платежей и финансовую «помощь» режим Сухарто вернул прежним владельцам иностранные предприятия, взятые ранее под государственный контроль.

Огромное влияние приобрели экономисты из Беркли. Они снабдили диктатора готовыми рецептами «решения» проблем. Времена неолиберализма еще не наступили: даже «берклийской мафии» было ясно, что правительство должно участвовать в управлении экономикой и гарантировать цены на рис. Но приоритет отдавался монополиям, нацелившимся на богатейшие недра Индонезии (Ричард Никсон назвал их «величайшей ценностью Юго-Восточной Азии»). «Улыбающийся генерал», как прозвали Сухарто западные журналисты, согласился на все, предложив авторам рекомендаций стать его советниками. Вскоре им вручили ключевые посты, в том числе министра торговли и посла в Вашингтоне.

В начале 1967 г. был принят закон об иностранных инвестициях. Компаниям разрешили владеть минеральными ресурсами без ограничений, «временно» освободили их от налогов. Уже в первые четыре года инвестиции превысили 1,4 млрд. долл., треть которых приходилась на США. В Джакарте открыли филиалы банки США, Японии, Нидерландов, ФРГ, Франции и др. Возобновилась «помощь» МБРР и Агентства США по международному развитию – USAID.

В ноябре 1967 г. корпорация «Тайм-Лайф» организовала в Женеве трехдневную конференцию по Индонезии с участием крупнейших банков, нефтяных компаний, «Дженерал Моторс», «ЮэС Стил», «Империал Кемикал Индастриз», «Бритиш

Американ Тобакко», «Сименс» и многих других корпораций. В ходе ее «берклийская мафия» передала им основные богатства страны: «Фрипорт» получила медь Ириана, американо-европейский консорциум – никель, «Алкоа» – большую часть бокситов, американские, французские и японские компании – тропические леса Суматры.

Иностранные инвестиции и «помощь» не пошли на пользу народу. Внешний долг к 1970 г. достиг 3,7 млрд. долл. Резко сократилось местное производство; полностью безработных, по официальным данным, насчитывалось 3 млн., частично безработных – 14 млн. Новая власть сдала в архив более чем умеренные аграрные законы 1960 г., а полученные крестьянами земли вернула прежним владельцам. И в середине 1990-х гг. из пяти индонезийцев четверо жили на доход менее одного доллара в день.

14. От фашизма – к «диктабланде».

Думается, не случайно и не только ввиду личных симпатий индонезийский диктатор назвал свой режим по-гитлеровски – **«новым порядком»**. На наш взгляд, этот режим **объективно соответствует марксистско-ленинскому определению фашизма** как **«открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»**, с учетом особенностей периода формирования и господства транснациональных монополий. В условиях, подобных Индонезии 60-х гг., где национальный частный капитал еще не достиг монополистической стадии и не сложилась финансовая олигархия национального масштаба, базисом фашистской диктатуры выступает **соединение силы национального капиталистического государства как единственной местной монополии с силой частных транснациональных монополий**. В дальнейшем под ее эгидой формируются и частные монополии.

Рекордный по масштабам образец **этого процесса** дал сам Сухарто, с лихвой оправдав имя, буквально означающее «Богатый». Уже в начале президентства он пополнил свой, и тогда миллионный, бизнес авиакомпанией и банком, ставшим вскоре одним из крупнейших в стране. Прибыль поступала в личный фонд **«Дарма Путра»**, основанный еще до переворота. К концу правления состояние диктатора оценивалось в **15 миллиардов долларов**. Только земли ему с семейством принадлежало 36 000 км². Захватив власть под лозунгом

борьбы с коррупцией, он побил **ее мировой рекорд**: если верить организации Transparency International, присвоил из казны *от 15 до 35 миллиардов долларов*. В ознаменование столь выдающихся заслуг «парламентарии» присвоили ему титул «Отец развития».

Правление Сухарто тянулось три десятилетия. Раз в пять лет его «избирали» на сессии ВНКК, переизбираться он мог неограниченное число раз. Костяк кабинета министров составляли военные. В состав «парламента» президент назначал «фракцию» вооруженных сил.

Террор продолжался, но более «упорядоченно». Еще 1 ноября 1965 г. была сформирована карательно-жандармская служба – «Оперативное командование по восстановлению безопасности и порядка» (Копкамтиб) во главе с Сухарто, а позже – Государственный комитет по координации разведывательной деятельности. Теперь негодных не убивали сразу, а отдавали под «суд», не оправдывавший никого. Страну покрыла сеть из сотен концлагерей. По разным подсчетам, в них было брошено от 600 тысяч до двух миллионов человек. Неизвестно, сколько тысяч погибло от пыток, недоедания и нелеченых болезней. Многих ссылали на отдаленные острова, где они оказывались на положении рабов. Читать им разрешалось только религиозную литературу. Даже те, кого через несколько лет «освободили», были ограничены в трудоустройстве, поставлены под надзор властей, лишены политических прав. На положении париев оказывалась вся семья, если кто-то в ней состоял в КПИ или массовой организации.

Последним очагом вооруженного сопротивления стал район Блитар на Восточной Яве. **Партизан** возглавили заместитель председателя профцентра **SOBSI** Сукатно и помощник Айдита профессор Субекти. Оба вошли в новое подпольное руководство КПИ. В марте 1968 г. крестьяне Блитара разгромили террористов из «Нахдатул Улама». Однако противостоять регулярной армии повстанцы не смогли. В том же году партизанский район был уничтожен, руководители коммунистов казнены. Эмиграция раскололась на две группы – прокитайскую и просоветскую («марксистско-ленинскую»). Судя по всему, ни той, ни другой не удалось возродить партию.

В 1970 г. начались массовые волнения студентов. Многие из них еще первокурсниками участвовали в разгроме КПИ, а кто

помладше – травили сторонников Сукарно. И то и другое творилось под прикрытием борьбы с коррупцией, но при Сухарто стало куда хуже. Студенты снова вышли на улицу под тем же лозунгом. Правительственная комиссия провела было расследование, выявив широчайшие масштабы коррупции; но президент признал всего два случая, а доклад не был опубликован. Мавров, сделавших свое дело, попросту разогнали, а их лидеров отправили в концлагеря.

В 1973 г. диктатор распорядился максимально «упростить» политическую систему. Правительственной партией стал Объединенный секретариат функциональных групп (Голкар), где большинство высших постов заняли военные. Партии националистического и христианского толка принудительно слили в «Демократическую» (не иначе!), а разношерстных исламистов – в «Партию единства и развития». К выборам отныне допускались только эти три партии, но «Голкар» почему-то *всегда* получал больше половины мест.

В 1977 г. из Вашингтона потянуло «правозащитным» ветерком. Опальные «демократы» и в Индонезии поверили, что настал их час. Оппозиция обвинила Голкар в фальсификации выборов, а стареющий Насутион подверг критике и «самого» Сухарто за отход от конституции, даже подал в парламент петицию за подписями 50 политиков и военных. Но диктатор отверг все обвинения, а реальной силы за фрондерами не стояло. «Ночь длинных ножей» повторилась в виде фарса: подписантам запретили выезд за рубеж, ограничили свободу передвижения внутри страны и возможности карьеры. Уже в 1993 г. было объявлено, что разногласия «полностью преодолены»: диктатор учредил «независимую» Национальную комиссию по правам человека. Какие еще могут быть претензии?

Быть бы Сухарто пожизненным президентом, если бы не азиатский финансовый кризис 1997 г. Экономика, привязанная к транснациональному капиталу, оказалась близка к нокдауну. Круто упал курс национальной валюты, иностранные инвесторы начали выводить капиталы. Промышленное производство сжалось, пошли увольнения рабочих. Начались массовые демонстрации, опять в основном студенческие. 21 мая 1998 г. Сухарто был вынужден уйти в отставку. В 2000 г. против него возбудили коррупционное дело, но «по состоянию здоровья подследственного» дважды прекращали. Третий иск на полтора миллиарда начали

рассматривать в 2007 г., когда экс-диктатор действительно лежал на смертном одре; семья тут же дала согласие отключить его от аппарата искусственного дыхания. До сих пор родственнички отказываются возвратить государству хотя бы часть краденого, а применить к ним закон руки у правительств коротки...

Казалось бы, самый мрачный период в истории Индонезии остался позади. В конституцию внесли «либерально-демократические» поправки: ограничение срока президентских полномочий и даже импичмент. В 1999 г. главой государства был избран Абдуррахман Вахид - лидер «Партии национального пробуждения», близкой к «Нахдатул Улама», а вице-президентом – Мегавати Сукарнопутри, дочь «бунга Карно». Вахид пригласил эмигрантов вернуться и даже покусился на «самое святое» – предложил снять запрет коммунистической идеологии. В ответ «Индонезийский исламский фронт» устроил демонстрацию протеста, а армия наложила на инициативу вето. В июле 2001 г. парламент *единогласно* проголосовал за импичмент президента. И терпентин «либерализации» на что-нибудь пригоден!

Высший государственный пост заняла Мегавати. Она замахнулась на демонтаж «социально-политической функции» армии и ввела прямые президентские выборы. Победить на этих выборах ей не дали. Как по команде активизировались исламистские террористы. На нефтегазоносном севере Суматры возродилось сепаратистское «Движение за свободный Ачех». Не успело смолкнуть эхо «импичмента», как военные подобрали своего кандидата в президенты – отставного генерала Юдойоно. Едва ли это решалось в Джакарте: в 1995—1996 годах Юдойоно был главным военным наблюдателем от Индонезии при миротворческих силах ООН в Боснии и Герцеговине. Специально под него учредили «Партию демократов», которую сформировали за три недели – к дню рождения кандидата. На момент основания в ней насчитывалось 99 членов, но на следующий же день – 10 сентября 2001 г. (дата наводит на размышления...) – ее зарегистрировали в Министерстве юстиции и прав человека.

На первых прямых выборах президента в 2004 г. Юдойоно одержал «убедительную победу». Игра была беспроегрешной: на всякий случай «Голкар» выдвигал собственного кандидата в паре с лидером «Нахдатул Улама» - братом экс-президента Вахида (того к выборам не допустили). Транснациональный

капитал вернул стране «инвестиционную привлекательность». При посредничестве Евросоюза удалось заключить мир с сепаратистами, разрешив им ввести на севере Суматры шариат. К выборам 2009 г. «демократия» еще продвинулась: партиям, получившим на парламентских выборах меньше 25% голосов, запретили выдвигать кандидатов в президенты. Исламистам пришлось поддержать Юдойоно, и того избрали вновь в первом же туре. На следующих выборах 2014 г. победил бизнесмен и любитель хард-рока Джоко Видодо, но вице-президентом стал представитель «Голкара». Министр финансов в кабинете Видодо носит фамилию Насутион (сын, племянник, внук?). «Экономическая династия», которую не смогли сокрушить КПИ и Сукарно, продолжает править.

В 2004 г. была создана «Комиссия правды и примирения» для расследования массовых убийств, однако через два года ее прикрыли. Уже в последние годы официальные правозащитные организации пытались записать показания жертв и свидетелей бойни 1965 г., но уцелевшим и через полвека угрожают «эскадроны смерти». пытки и «бесследное исчезновение» неугодных до сих пор остаются обычной практикой. Коммунистическая идеология и поныне под запретом. Все партии по закону обязаны признавать «Панча Сила» в качестве *государственной идеологии*.

Не так давно в Латинской Америке подобные режимы называли «**диктабландой**» – «**мягкой диктатурой**». Теперь международные правозащитники из «Freedom House» признают Индонезию «*свободной страной*».

В 90-е годы Всемирный банк назвал Сухарто «образцовым учеником». Ему вторит нынешний директор МВФ К. Лагард: «Мир нуждается в таких экономиках, как индонезийская, для того, чтобы установить, упрочить и активизировать новые формы глобального сотрудничества». Индонезия и сегодня занимает одно из последних мест по уровню зарплаты, одно из первых – по заболеваемости и детской смертности, массовой бедности и социальному неравенству. Это – наследие десятилетий террора, лишившего трудящихся каких-либо возможностей защиты своих прав.

Всемирный банк – преемник МБРР, внесшего немалый вклад в те трагические события, а в 90-е гг. симптоматично выбросившего из названия даже слова «реконструкция» и «развитие», – в недавнем докладе констатирует, что в Индонезии, несмотря на «устойчивый экономический рост» и

«сокращение бедности», социальное неравенство растет быстрее, чем в остальной ЮВА. В стране, где живет уже 255 миллионов человек, 28 миллионов существуют ниже черты бедности, исчисляемой месячным доходом в 24,4 долл. Это, предупреждают аналитики ВБ может отразиться на экономическом росте и породить социальную напряженность.

Не удивительно, что именно теперь в штаб-квартире ВБ обеспокоились: ИГИЛ уже начал вербовку боевиков в Индонезии и соседней Малайзии. Иного и трудно ожидать после полувекового искоренения светских демократических форм выражения «социальной напряженности» вкупе с культивированием фундаментализма. Эксперты ВБ запоздало рекомендуют использовать налоги и правительственные расходы для сокращения неравенства, «улучшить» здравоохранение и образование, а также *«гарантировать защиту от экономических шоков»*⁷⁰. Комментарии, полагаю, излишни.

Символично, что в дни «юбилея» катастрофы главные острова Индонезии, вместе с Малайзией и курортами Таиланда, затянул удушливый дым – транснациональные корпорации в который уж раз выжигали «зеленые легкие», освобождая пространство для горнопромышленного и плантационного бизнеса. Чтобы не все леса выгорели, власти с большим опозданием обратились в Москву. Одновременно с сирийским военным пожаром нашим летчикам пришлось тушить, в прямом смысле, еще один.

Кроме огненной стихии, угрожает и водная. Глобальное изменение климата, ускоряемое сведением тропических лесов, повышает уровень океана. Идет и встречный процесс: почва оседает по мере выкачивания из подземных пластов пресной воды, питающей Джакарту. Лет через двадцать **10-миллионный** мегалополис может уйти на дно морское. И тут вряд ли поможет вступление в «Тихоокеанское сообщество», о чем президент **Видодо** недавно договаривался в Вашингтоне.

15. Индонезийская контрреволюция как катализатор кризиса мирового социализма.

Говоря о всемирных последствиях трагедии 1965 г., позволю себе аналогию между общественно-историческими и природными бедствиями. Миллионлетнее перемещение плит земной коры опоясало индонезийский архипелаг целой гирляндой огнедышащих гор, крупнейшей в мире по числу действующих вулканов и их разрушительному потенциалу.

Последние два века отмечены минимум тремя сейсмическими гиперкатастрофами: взрывами вулканов Тамбора в 1815 г. и Кракатау в 1883 г., подводным землетрясением 2004 г. Каждая не только обрывала жизни сотен тысяч людей, в большинстве индонезийцев, но и серьезно затрагивала всю планету. исполинские волны цунами, опустошив приморские равнины в радиусе тысяч километров, обходили, медленно угасая, Мировой океан. После взрывов верхние слои атмосферы заполнял вулканический пепел, задерживавший тепловые лучи. Современные нам ученые проводят параллели с малым оледенением или «ядерной зимой».

Разрушительности стихийных сил природы можно в известном смысле уподобить катастрофу, сотворенную в середине XX века человекообразными существами. И на этот раз всю планету сперва обошли «цунами», а затем накрыл «пеплопад», приведя, вместе с другими причинами, к всемирному реакционному «оледенению».

Международный масштаб разразившейся катастрофы намного превзошел влияние отдельно взятой страны. В индонезийском узле оказались стянуты все три главные прогрессивные силы XX века. С настоящим и будущим мирового социализма Индонезию связала ее роль в советско-китайских отношениях; с национально-освободительным движением – статус одной из ключевых стран «третьего мира», активно взаимодействовавшей со всеми его регионами; с судьбами международного коммунистического и рабочего движения – роль КПИ как крупнейшей легальной компартии капиталистического мира.

Еще в начале 20-х гг. Ленин считал решающим для перспектив мирового развития фактором единство страны Советов с пробуждавшейся Азией. В последней продиктованной им статье подчеркивается: *«Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения... В этом смысле не может быть и тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»*⁷¹. Даже Ильич не мог предвидеть, что спустя треть века горе-ученики, ссылавшиеся на него по любому поводу, поспешат прокукарекать о «полной и окончательной победе», но начисто забудут об установленных им условиях такой победы...

Осуществление ленинского завета требовало, прежде всего, единства социалистического развития СССР и КНР – крупнейших по территории и населению держав, имевших самую протяженную в мире границу. Перспективы же КНР не в последнюю очередь определялись классовой и национально-освободительной борьбой в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), тесно связанных с Китаем экономически, политически и культурно-исторически.

На протяжении веков, особенно в период маньчжурского ига (1644-1911), наиболее активные элементы китайского общества переселялись в ЮВА. Там получил наибольшее развитие китайский капитал, там же сложились первые отряды китайского пролетариата. Однако классовые противоречия долгое время маскировались преобладанием общенациональных задач. Ни общины хуацяо в целом, ни китайские буржуа не могли ассимилироваться в странах ЮВА. Европейские колонизаторы проводили политику «разделяй и властвуй»: с одной стороны, опирались на китайский капитал против местных националистов, с другой – натравливали на хуацяо местную реакцию, особенно в мусульманских Индонезии и Малайе. Китайская буржуазия объективно нуждалась в поддержке матери-родины, и это поддерживало ее патриотические чувства, побуждало помогать освободительному движению против международного империализма и его компрадорско-бюрократической опоры. В самих же странах ЮВА крупный китайский капитал выступал в качестве компрадорского, тогда как мелкобуржуазные слои и пролетариат из хуацяо активно участвовали в национально-освободительной борьбе.

Без этой специфики «эмигрантского» капитала, сохранявшего кровные связи с родиной, вряд ли стал бы возможен союз Компартии Китая с частью национальной буржуазии как в ходе революции, так и в рамках народно-демократического строя. Но оставался открытым вопрос: что станет с этим союзом в среднесрочном плане, будет ли он обращен против империализма или против социализма? Ответ истории во многом зависел от того, какие классовые силы возьмут верх в главной базе китайского капитала – ЮВА, какая его тенденция – компрадорская или национальная – возобладает, на какую чашу весов в Китае ляжет его немалый вес. Решающим же звеном ЮВА и географически, и экономически, и политически была Индонезия.

Сухартовский переворот знаменовал победу компрадорской тенденции над национальной. Диктатор и его окружение были тесно связаны с крупнейшими кланами буржуазии хуацяо. В то же время режим был враждебен национальному самосознанию местных китайцев и их связям с исторической родиной. Дипломатические отношения с КНР были надолго прерваны, организации китайской общины распущены, людей даже заставляли менять имена на индонезийские. Китайские общины Индонезии, да и других стран региона, оказались на положении заложников фашиствующей реакции.

Индонезийская катастрофа явилась для КНР не только крупным внешнеполитическим поражением, но и источником внутривнутриполитической угрозы. Взаимодействие с капиталом хуацяо из источника силы грозило превратиться в источник слабости. «Умеренное» крыло руководства КНР, связанное с китайской буржуазией ЮВА, стало уязвимее для давления империалистической реакции. В то же время индонезийский пример показывал, что разочарование и озлобление масс, прежде всего молодежи, могут быть обращены против народно-демократического строя. Надо ли удивляться, что радикальные круги КНР поспешили сделать на родине то, что не удалось в Джакарте: нанести «умеренным» превентивный удар аналогичными методами, дав эмоциям молодежи выход не вправо, а «влево».

Параллельно с подавлением индонезийской революции развернулась «великая пролетарская культурная революция» в КНР. Прослеживаются явные параллели. В обоих случаях сверху открывали «огонь по штабам» – партийному и государственному аппарату. В качестве ударных сил использовали вначале учащуюся молодежь, затем – часть крестьян и рабочих. По миновании надобности «массовку» задвигали подальше, а на авансцену выходила армия. Подобное сходство не могло не тревожить руководство СССР – помнится, Брежнев публично говорил: «Какая же это пролетарская революция? Это больше похоже на подавление пролетарской революции... Это больше похоже на реакционный военный переворот».

Конечно, в истории, как и в природе, сходство зачастую обманчиво. Результаты двух процессов указывают на коренное классовое различие: Компартия Индонезии и режим Сукарно подверглись уничтожению, тогда как Компартия Китая и КНР пережили «культурную революцию». Однако и в

Китае буржуазно-националистические круги, вынужденные пока отказаться от атаки на власть, сумели отвести от себя удар и даже взять реванш, разжигая антисоветскую кампанию. Наша страна, не сумев помочь друзьям в Индонезии, получила «свистопляску» вокруг своего посольства в Пекине, затем – кровопролитие на границе, наконец – многолетний «второй фронт» холодной войны, во многом предрешивший ее исход.

Симптоматично, что президент США Р. Никсон, едва вселившись в Белый дом, огласил внешнеполитическую доктрину «перехода от эры конфронтации к эре переговоров». В ее названии содержалась явная перекличка с Сукарно, не раз заявлявшим об «эре конфронтации». Именно в эту доктрину Никсона вписались его пекинский и московский визиты, ставшие вехами дальнейшего разъединения и «приручения» двух ведущих стран социализма.

В том же плане логическим продолжением индонезийской трагедии стала камбоджийская. Началась она в 1970 г. с проамериканского военного переворота сухартовского образца. Через пять лет Пномпень был сдан по приказу Г. Киссинджера «красным кхмерам», ставленникам *правой прозападной* фракции в руководстве КНР, сразу же развернувшим против Вьетнама и подлинных коммунистов своей страны террористическую войну, будто скопированную с сухартовской. Другой формой террора, уже мирового масштаба, было насаждение легенды о «радикально-коммунистической» природе полпотовщины. Что с того, что палачи Камбоджи, разбитые вьетнамской армией и своим народом, еще более десятилетия вели против них войну с территории *проамериканского* Таиланда, в союзе с недобитыми *проамериканскими* путчистами, оружием и на деньги как КНР, так и всего *империалистического* мира. Не зря же они именовали свой режим «Демократической Кампучией»! Мало кто распознал под черной формой «красных кхмеров» реинкарнацию боевиков Тан Малаки. Как бы порадовались постановщики кровавого спектакля, узнай они, что в сегодняшней России находятся молодые «революционеры», почитающие Пол Пота как святого...

Обострение советско-китайского конфликта облегчило США эскалацию агрессии против Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Число ее жертв сопоставимо с индонезийским геноцидом, а начало лишь на несколько месяцев (считая с тонкинской

провокации – на год с небольшим) ему предшествует. Если предварительный и начальный этапы агрессии относятся к международным предпосылкам сухартовского переворота, то продолжалась она методами, апробированными в Индонезии. ЦРУ при руководящем участии того же Колби разработало и осуществляло «план «Феникс»», нацеленный на истребление южновьетнамских коммунистов. Конечно, здесь это не могло пройти до конца: партизаны, кроме поддержки народа, располагали надежным тылом. В непосредственном плане дело интервентов было проиграно. Но и трактовка агрессии как стопроцентно провальной представляется односторонней. Ее режиссеры посылали молодых американцев в джунгли Индокитая не ради сайгонских и прочих марионеток. Им требовалось, прежде всего, на десятилетия вбить клин между СССР и КНР, а также прикрыть военной силой стабилизацию капитализма в большей части Юго-Восточной Азии. Этим стратегическим целям они добились.

К началу 70-х гг. диктаторские режимы, подобные сухартовскому и тесно с ним взаимодействовавшие, установились в Малайзии, Сингапуре, Таиланде, на Филиппинах. С точки зрения господствующего класса, они успешно справились с задачами «борьбы с коммунизмом»: сумели сбить рабочее и крестьянское движение, стабилизировать капиталистический строй, радикально «очистив» его от мешавшей монополиям демократии.

История нелегко расставалась с революционной альтернативой капиталистической стабилизации. В середине 70-х гг., после победы народа Вьетнама, в других странах региона активизировалось партизанское движение, руководимое коммунистами. «Революция гвоздик», потрясшая Португалию, вывела из исторической летаргии ее колонию между ЮВА и Австралией – Восточный Тимор. Эту небольшую страну, исторически связанную с Индонезией, еще Сукарно мог бы освободить, как Индия освободила Гоа и другие португальские анклавы, но предпочел не нарушать колониальных границ, к которым апеллировал в ирианском вопросе. Когда же до забытого всеми острова долетели искры революции, Сухарто немедля побудил своих тиморских ставленников ратовать за присоединение к Индонезии, а эпигоны Тан Малаки выступили за вхождение в состав Австралии. Но те и другие даже совместно не могли противостоять Революционному фронту за независимость

Тимора (ФРЕТИЛИН). В конце ноября 1975 г. патриоты провозгласили Народно-Демократическую Республику Восточный Тимор. Стоило СССР и его союзникам признать молодую республику и взять ее под защиту, как тогда же Анголу, – антифашистское сопротивление в Индонезии, еще не до конца подавленное, разгорелось бы вновь, и во всей ЮВА ситуация развивалась бы иначе. Но из стран социалистического содружества независимый Восточный Тимор признала одна Куба. Генерал-диктатор мог улыбаться: ему дали возможность увенчать стабилизацию своего режима «маленькой победоносной войной», стоившей жизни каждому третьему тиморцу и округлившей капитал «семьи» почти половиной земельного фонда острова, перспективной на нефть и газ.

Эпилог индонезийской катастрофы имел и более широкие последствия. Именно в дни вторжения Сухарто в Восточный Тимор генерал-губернатор Австралии, казалось лишь символически представлявший главу Британской империи, совершил небывалое – сместил премьера-лейбориста Гофа Уитлема, не желавшего уступать генералу-диктатору нефтеносный остров. «Бархатные» перевороты в Австралии и одновременно в Новой Зеландии ослабили позиции лейбористов во всем Содружестве, способствовали последующей «тэтчеризации» Великобритании. Несколько лет спустя стало известно, что свержение Уитлема было секретной операцией ЦРУ. Премьер-лейборист проявлял заинтересованность в экономических отношениях с СССР, летом 1975 года нанес визит в Москву. Правым кругам Лондона и Вашингтона требовался прямой контроль над страной-континентом, крупным экспортером минерального сырья и продовольствия, без которой экономические «санкции» против СССР и других неугодных стран были бы проблематичны. Немало значили и окопавшиеся в Австралии «диаспоры» бандеровцев и усташей. Все этому предстояло сыграть не последнюю роль в крушении европейского социализма. Поистине, бумеранг всегда возвращается... По иронии истории, едва Сухарто покинул сцену, в 1999 г. именно австралийские войска по решению Совбеза ООН заняли опустошенный восток Тимора и «гарантировали» его суверенитет, даже с правительством ФРЕТИЛИН, – теперь это ничем не грозило «мировому сообществу».

Контрреволюционное кровопускание создало в ЮВА условия для своего рода «столыпинской реформы» регионального масштаба. Вкупе с северными соседями, уже прошедшими сходный путь (Япония) или вступившими на него (Южная Корея, Тайвань, Гонконг), страны ЮВА составили новый «субцентр» системы мирового капитализма, наиболее динамичный ввиду максимальной эксплуатации трудящихся. «Компьютерная революция» вряд ли могла бы осуществиться в те сроки и в том классовом варианте, которые исторически состоялись, если бы не баснословно дешевые руки сингапурских, филиппинских, малайзийских, тайландских работниц, ценою зрения и нервов собиравших микросхемы, ставшие для «соловьев перестройки» воплощением превосходства капитализма над социализмом.

Одной из движущих сил ускоренного развития «субцентра», а тем самым – и всей мировой капиталистической экономики, стала буржуазия хуацяо. Ей принадлежала важнейшая роль и в том, что КНР с конца 70-х гг. ориентировала свои «четыре модернизации» на сотрудничество с капиталистическим миром (до сих пор ведущими иностранными инвесторами в Китае выступают «зарубежные соотечественники»). Все это во многом помогло империализму перехватить у социализма историческую инициативу.

16. Полигон современного фашизма.

Утром 2 октября 1965 г., когда миру еще не был известен исход противоборства в Джакарте, на другой стороне земного шара – в Гаване – открылась учредительная конференция Коммунистической партии Кубы. На ней Фидель Кастро зачитал письмо Эрнесто Че Гевары о решении сложить с себя официальные посты на Кубе и лично включиться в революционную борьбу с империализмом.

8 октября 1967 г. – точно во вторую годовщину фактического запрета КПИ – «рейнджеры», формально подчиненные главе боливийской хунты Рене Баррьентосу, а фактически исполнявшие приказы Вашингтона, убили Че, взятого в плен раненым. Это военное преступление было совершено точно так же, как убийство Айдита: без следствия и суда, сразу после краткого допроса. Да и совпадение дат едва ли случайно – почерк специалистов ЦРУ бьет в глаза.

Сукарно и в кошмарном сне не могло привидеться, *каким образом* его пророчество: «*Сегодняшний день Джакарты – это завтра Азии и Африки*»⁷² – история выполнит и перевыполнит,

прибавив к этим двум континентам Латинскую Америку. Империалистические спецслужбы и транснациональные корпорации высоко оценили индонезийский опыт зависимого «партнерства» государства-монополии с иностранным монополистическим капиталом и превращения армии в «суперпартию», обеспечивающую такое «партнерство» путем репрессий. Подобный, для того времени новый, механизм переворота был использован в 1967 г. даже в одной из европейских стран – Греции. Но главной его ареной стала Латинская Америка.

В крупнейшей латиноамериканской стране – Бразилии – еще весной 1964 г. произошел военный переворот, во многом предвосхитивший сухартовский. Но до индонезийской трагедии ни одному из латиноамериканских реакционных режимов не удавалось тотально уничтожить коммунистов, революционеров. В середине 60-х гг. в практике террора происходит перелом, явно связанный с применением индонезийского опыта ЦРУ, Пентагона и их «коллег». Особым спросом пользовалась методика «эскадронов смерти» – иррегулярных «полувоенных» банд, сколачиваемых из отставных (или переодетых в штатское) военных и полицейских, ультраправых боевиков и уголовников. Это позволяло обходиться даже без видимости правосудия и в «ускоренном» порядке расправляться со всеми, на кого укажут спонсоры, не отвечая за содеянное.

Фашистские режимы Гватемалы и Парагвая, объединившиеся с восточноазиатскими мастерами террора в рядах Всемирной антикоммунистической лиги, открыто подражали Сухарту. С 1966-67 гг. они приступили к тотальному истреблению левых активистов. К середине 70-х гг. Гватемальская партия труда и Парагвайская компартия, потерявшие несколько поколений кадров, были обескровлены. Резко усилился террор «эскадронов смерти» в Бразилии, Колумбии, Венесуэле.

Чилийская трагедия, сопоставимая по международному значению с индонезийской, тоже разыгрывалась под ее прямым влиянием. Вскоре после победы Народного единства на выборах 1970 г. контрреволюция, руководимая спецслужбами США, начала воспроизводить до мелочей сценарий «Джакарты». Место «берклийской мафии» заняли чикагские питомцы Милтона Фридмана, отца неолиберальных догм. Католический университет Чили, еще в конце 60-х гг.

поставленный под начало «чикагских мальчиков», сыграл видную роль в подготовке переворота. Многие его студенты вступили в фашистскую организацию «Патриа и либертад», став такими же штурмовиками, как их предшественники в Индонезии. Незадолго до переворота стены Сантьяго испещряли кроваво-красные надписи: «*Джакарта приближается!*»; сотням левых активистов рассылались открытки с такой же надписью. И это были не просто слова. Как и в Индонезии, в Чили был состряпан «план» левого переворота и репрессий против офицеров, который так и не был подтвержден ни единой уликой, но послужил основанием для действительного переворота и подлинно массовых репрессий. ЦРУ подготовило в Чили такие же проскрипционные списки, как в Индонезии, и точно так же передало их хунте.

В середине 70-х гг. гватемальский фашист, работавший на ЦРУ, вручил аргентинскому временщику и покровителю «эскадронов смерти» Хосе Лопесу Рега «План «Джакарта». В нем излагались критерии отбора имен для черных списков печально известного «Аргентинского антикоммунистического альянса», руководимого фашиствующими военными и посольством США. От пуль и бомб ААА и прочих «эскадронов смерти» гибли рабочие, студенты, интеллигенты, политики, профлидеры, священники и опальные военные. Ознакомившись с планом, Лопес Рега вроде бы изрек: «*Здесь, в Аргентине, нам не придется убивать миллион, как в Индонезии, здесь и с десятью тысячами мертвецов проблема решается!*»⁷³ На основании тех списков было убито около тысячи человек, когда же временщика сменила хунта «профессионалов», число жертв достигло минимум 30 тысяч.

Военно-фашистские режимы Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая и Боливии объединили усилия в истреблении лучших сынов и дочерей своих народов. Над Южной Америкой распротер крылья «Кондор» – такое кодовое название носила сеть террора, учрежденная на секретном совещании в Сантьяго 25 ноября 1975 г. Лишь недавно сдвинулось с мертвой точки расследование преступлений «Кондора». Но как бы не помешали «политические суды» над президентами, тоже скопированные с индонезийских...

Уже в 80-х – начале 90-х гг. новая волна государственного терроризма унесла сотни тысяч жизней в Колумбии, Перу, Сальвадоре, Гватемале. На этот раз был востребован и другой

элемент индонезийского опыта – использование религиозных экстремистов как исполнителей террора. Особенно отличилась гватемальская хунта во главе с Э. Риосом Монттом, членом фундаменталистской протестантской секты: за неполные два года десятки тысяч индейцев были вырезаны и миллионы превратились в беженцев. То же самое творилось в Перу при президенте А. Фухимори, связанном семейными традициями с японским фашизмом.

Как и в Индонезии, в Латинской Америке массовые репрессии были не просто формой классовой борьбы, а функциональным элементом транснациональной политико-экономической модели. Теперь эта модель стала неолиберальной: «рынок» определяет (якобы) цены всех товаров, за исключением рабочей силы – ее цену на предельно низком уровне удерживает террор.

Доктрина «территориальной войны», автором которой считают Насутиона, легла в основу «Доктрины национальной безопасности» правых военных режимов Латинской Америки. Они также осуществляли на селе «социальные» программы, чтобы лишить повстанцев опоры. Но диалектика истории неисчерпаема. Со временем среди военных ряда стран оформилось левопатриотическое крыло, решившее преобразовать эту доктрину из средства подавления народа в средство служения ему. Так было в конце 60-х – 70-е гг. в Перу и Панаме, а с 90-х гг. – в чавистской Венесуэле. Военно-гражданские «миссии» были переосмыслены как способ осуществления социальных преобразований в условиях, когда путь «низовой» народной революции перекрыт неблагоприятным соотношением сил в стране и мире. Однако и путь, избранный левыми военными, обременен двоевластием того же индонезийско-чилийского типа. Путей его прогрессивного разрешения история пока не открыла.

Переворот в Индонезии подвел черту под наиболее серьезной попыткой выступления «третьего мира» как сплоченной международной силы. В то время Гавана, приняв эстафету у сукарновской Джакарты, готовила конференцию стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но марокканского революционера Бен Барку, который должен был возглавить «Триконтиненталь», в ноябре 1965 г. совместно ликвидировали ЦРУ и французская спецслужба. Перед самым открытием гаванской конференции (январь 1966 г.) Африку накрыла волна военных переворотов, свергавших где

прогрессивные режимы, имевшие много общего с сукарновским, а где и буржуазные правительства, не сумевшие навести неокOLONиальный «порядок».

Сегодня, когда ударной силой реакции в мировом масштабе стал исламский фундаментализм, уместно напомнить, что и этому злу один из первых импульсов придала «победа» над коммунистами и светскими националистами, одержанная в Индонезии в немалой мере руками исламистских «эскадронов смерти». Особо тесные отношения связывали индонезийских клерикалов с первой в мире исламской республикой – Пакистаном. Именно ее военщина ближе всего повторила катастрофу 1965 г. В Пакистане, первую четверть века состоявшем из двух частей, этнически разнородных и разделенных тысячами километров индийской территории, Восточная Бенгалия оказалась на положении внутренней колонии. В конце 1970 г. голосами бенгальцев на выборах победила массовая демократическая партия Народная лига. Режим генерала Яхья Хана ответил по-сухартовски. В Восточной Бенгалии, как недавно в Индонезии, в буквальном смысле потекли кровавые реки. За несколько месяцев 1971 г. военщина и исламистские боевики успели и здесь вырезать не менее двух миллионов человек. Правда, пакистанским ученикам Сухарто не удалось, как ему, «осесть» у власти на тридцать лет – помешала новая война с Индией, ими развязанная и проигранная. Но и Восточная Бенгалия, став независимой Бангладеш, не избежала реакционного переворота 1975 г. с убийством первого президента М. Рахмана и его сподвижников, а затем – долгой череды генеральских диктатур⁷⁴. В Пакистане переворот 1977 г., совершенный военщиной при опоре на исламистских погромщиков, стоил народу многих лет полицейских репрессий и клерикального мракобесия. Самым же тяжким результатом стал экспорт контрреволюции в соседний Афганистан.

Афганский апрель 1978 г. многими чертами напоминает индонезийский сентябрь 1965 г. В обоих случаях ударной силой контрреволюции выступил исламский клерикализм с теократическими амбициями. Подготовка реакцией, при поддержке извне, массовой резни не оставила революционерам, имевшим влияние в армии, иного выбора, кроме упреждающего захвата власти в надежде на последующее расширение социальной базы. Как и тогда,

роковую роль сыграл раскол мирового социализма. Пекин, дорожа «особыми» отношениями с Исламабадом, подключился вместе с ним и со всем империалистическим лагерем к необъявленной войне против революционной республики. Москва и Кабул, опасаясь международного противостояния, не решились предотвратить или купировать войну на афганской территории, своевременно поддержав пакистанских противников хунты и национальное движение разделенных народов – пуштунов и белуджей.

Еще раньше индонезийская трагедия серьезно повлияла на ядро исламского мира – Ближний и Средний Восток. Впрочем, здесь речь должна идти о взаимовлиянии. В одной из стран данного региона геноцид КПИ был буквально прорепетирован. Истребление иракских коммунистов в ходе переворота 1963 г., несомненно, вдохновляло индонезийских исламистов на аналогичные «подвиги», а Сухарто брал пример с иракских военных, истребивших немногочисленных демократов в погонах и развязавших «инициативу» фашиствующей мелкобуржуазной Вандеи. Имело место и прямое вмешательство Багдада в события в Джакарте: иракское посольство, где укрылся Насутион, на несколько решающих часов стало «точкой опоры», позволившей перевернуть страну.

Иначе обстояло дело с Египтом, носившим тогда программное название Объединенной Арабской Республики. Режимы Сукарно и Насера были сходны и во внутренней, и во внешней политике. Начало арабо-израильского противостояния, создание и распад «большой» ОАР, поддержка революции в Йемене – все это до мелочей напоминает ирианский и малайзийский фронты Индонезии. Каир и Джакарту, несмотря на ряд политических противоречий, связывало прочное партнерство. Попытка упреждающего удара по военному заговору в Индонезии инициировалась из столицы ОАР. А через неполных три месяца после лишения «бунга Карно» остатков власти, накануне последней попытки реванша его сторонников, на Ближнем Востоке вспыхнула «шестидневная война». Ее причины не сводились к арабо-израильским противоречиям. Не меньшую роль подспудно сыграло противостояние насеровской ОАР и Саудовской Аравии – главного плацдарма как нефтяных ТНК, так и исламского клерикализма. Этот реакционный блок, усиленный и ободренный индонезийским

переворотом, подталкивал Израиль и арабов к войне, стремясь подставить Насера под удар и свергнуть его по той же схеме, что Сукарно. Хотя при поддержке народа Насер был восстановлен у власти, военное поражение привело к тем же последствиям, к каким дважды приводило в Индонезии. В очередном – 1970 г. – черном сентябре в Египте взяла верх контрреволюция. Вскоре началось возрождение разгромленного при Насере теократического движения «Братья-мусульмане» – родоначальника большинства течений исламского экстремизма.

В соседнем Судане, где коммунисты обладали максимальным в регионе влиянием, события развивались будто по лекалам индонезийских. С 1964 г. развернулась национально-демократическая революция, у власти встал блок типа НАСАКОМ. Коммунистов то включали в правительство, то выводили из него. Июль 1971 г. стал аналогом джакартского «черного сентября»: левые военные попытались упредить установление реакционной диктатуры, ненадолго захватили власть, но в итоге потерпели поражение, и если не всю компартию, то ее руководящее звено постигла участь КПИ.

Сочетание военных переворотов с террором «эскадронов смерти», как национал-фашистских, так и исламистских, стало с 70-х гг. особо характерным для турецкой реакции, ведущей перманентную войну против рабочего движения, угнетенного курдского народа и патриотических сил соседних стран. Индонезийский почерк отчетливо различим в террористических мятежах в Алжире 90-х гг., Ливии и Йемене 2011 г., Мали и Нигерии последних лет.

Из стран Ближнего Востока поставить «цунами» преграду удалось лишь Сирии. В марте 1966 г. в Дамаске власть перешла в руки военных, принадлежавших к левому крылу Партии арабского социалистического возрождения. Извлекая уроки из поражений, они первые из арабских националистов пошли на стратегический союз с коммунистами. Революционному государству удалось взять в свои руки командные высоты экономики и отбить все попытки реакционного переворота. Если Сирия единственная в регионе с честью выдержала удары израильской агрессии, а в наши дни героически противостоит империализму и клерикальному фашизму, – это потому, что ее революционеры предыдущего поколения совершили то, чего не смогли достичь индонезийские. Но и коллективная интервенция под зелеными

и черными флагами, который год опустошающая сирийскую землю, – логичный итог пути, начатого исламской реакцией в том черном сентябре полвека назад.

Заключение. Смеем ли мы побеждать?

Уже в недавние годы мне пришлось на академическом форуме слушать выступление одного из мэтров общественной науки позднего СССР. Обсуждаемая тема не требовала откровенничать о минувшем, но он не смог не поделиться, видимо, самым ярким воспоминанием молодости: как в составе избранной «команды» разрабатывал на закрытой даче ЦК предложения по индонезийскому вопросу. Мэтр уверял, будто его мысли помешали «экстремистам» взять верх в Джакарте, да и в Пекине. Разумеется, мне в голову не приходило поверить в судьбоносность именно тех посиделок. И все же по спине пробежал холодок: да ты хоть понимаешь, чем хвалишься?!

Немалая доля ответственности за гибель крупнейшего отряда коммунистического движения ложится на советское руководство, как до, так и после «смены караула» в октябре 1964 г. К тому времени пора уже было убедиться, что Вашингтон взял курс на «мирные» методы экспорта контрреволюции в Европе и «локальные войны» в остальном мире. Эти угрозы, ставшие главными, недооценивали в Москве, все более стремившейся к расширению связей с Западом. Губительные последствия такого курса не могли быть исправлены ни дозируемой поддержкой Вьетнама, ни запоздалым осуждением фашистского террора в Индонезии.

Черная осень 1965-го нанесла сильный удар всему международному коммунистическому движению. Индонезийский переворот зримо и кроваво обнаружил то же, что за полтора года до него бразильский, а спустя восемь лет чилийский, – **пределы возможностей легальной организации трудящихся в условиях капитализма**. Конечно, еще «крах II Интернационала» и кровавое шествие фашизма 20-х – 30-х гг. показали неподготовленность легальной рабочей организации к сопротивлению открытой военной диктатуре финансовой олигархии. Но раньше основная причина поражений виделась в предательстве «рабочей аристократии» и «рабочей бюрократии», в вызванном ими расколе пролетариата. После II Мировой войны ряду компартий – как в империалистических метрополиях (Франция, Италия, Япония), так и на зависимой

периферии капиталистической системы (Бразилия, Чили, Уругвай, Индия, Индонезия) – удалось во многом решить задачу, поставленную Лениным: объединить в своих рядах и руководимых ими организациях преобладающую, или по меньшей мере очень значительную, часть рабочего класса и шедших за ним трудящихся. Проводя курс, предусматривавшийся для подобных условий классиками марксизма-ленинизма, – на максимальное использование завоеванной демократии для продвижения рабочего класса к власти, – коммунисты вроде бы учитывали и необходимость защиты революции. Но этого оказалось недостаточно для победы.

С трагической ясностью обнаружилось, что передовая идеология не отменяет известной еще Ленину закономерности: легальная деятельность при капитализме вырабатывает в массовом масштабе иные политико-организационные навыки и психологические установки, чем те, которые позволили бы верно распознать и парировать насильственный удар врага, не говоря уже об установлении революционной власти. Массовая легальная организация трудящихся, лишенная вооруженной защиты, предельно уязвима для военного насилия реакции. Добиться же поддержки Народного фронта большинством армии в условиях, отличных от России 1917 г., – когда она не «разбавлена» массой призывников военного времени, не дезорганизована поражениями и не политизирована недавней буржуазной революцией, – оказалось чрезвычайно трудно. В этих условиях партии, которая выступает или хотя бы воспринимается как реальная альтернатива эксплуататорской власти, грозит смертельная опасность.

К несчастью, выводы, сделанные большинством компартий из тяжкого урока истории, оказались не революционными, а оппортунистическими. Расправа, учиненная реакцией над самым многочисленным отрядом всемирной армии коммунистов, наряду с другими причинами смогла, как опасался Ленин, «сломать острие их меча». Ни одна легальная компартия больше не могла, или не смела, возглавить решение вопроса о власти в пользу трудящихся. По сути воспроизводилась линия, за которую Ленин критиковал Каутского: *«Боритесь, но не смейте побеждать! Не разрушайте государственной машины буржуазии, не ставьте на место буржуазной «государственной организации» пролетарскую*

«государственную организацию»!⁷⁵. Пределом мечты стало вхождение в «демократическое» правительство совместно с мелкобуржуазными и буржуазными партиями. Не удивительно, что с такой «стратегической» ориентацией коммунисты постепенно теряли поддержку своего класса: что они по большому счету могли ему предложить?

«Наказанием за оппортунистические грехи»⁷⁶, как сказал бы Ленин, не раз становился «синдром Унтунга». Леворадикальное меньшинство, одетое в военную или повстанческую форму, отчаянно пыталось совершить то, с чем не справлялись массовые партии, – нанести упреждающий ударом реакции и овладеть всей полнотой власти. Но подобные попытки – в Судане 1971 г., Чили 1973 г., Португалии 1975 г., Аргентине 1975-76 гг., Гренаде 1983 г. – лишь ускорили и отягчали общее поражение.

Утрата стратегической перспективы международным коммунистическим движением составляла единый процесс с ее утратой ранним социализмом. Мой учитель, ныне покойный профессор В.А. Вазюлин, рассказывал, что именно в 1965 г. впервые ощутил смертельную угрозу, нависшую над советским строем. На тревожную мысль навело общение с тогдашним поколением студентов: когда эти станут определять политику, стране трудно будет выстоять. О международных аспектах кризиса социализма он тогда не упомянул. Но они не могли не сказываться на идейно-политической атмосфере, не ускорять перерождение руководящих кадров, не оказывать разлагающего влияния на новые поколения.

Десятилетиями любая попытка вернуть коммунистам авангардную роль клеймилась как проявление «ультралевизны». Оказались сбиты все критерии коммунистического товарищества и политической морали. Если КНР в пику СССР сохраняла отношения с Пиночетом, то советские СМИ ради обличения «маоизма» не брезговали перепечаткой материалов прессы Сухарто. Мало того: в 1974 г. между СССР и Индонезией было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. Чтобы не раздражать Сухарто, в прессе и справочной литературе стыдливо писали о «политическом режиме, в котором основная роль принадлежит вооруженным силам» и отмечали с его стороны лишь «элементы антикоммунизма во внутренней политике». В 1982 г. Индонезию посетила делегация

Верховного Совета, а в 1985 г. – правительственная делегация. В марте 1987 г. министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе нанес визит в Джакарту, а в феврале следующего года принимал в Москве индонезийского коллегу. Между этими событиями, в июле 1987 г., официозная газета «Мердека» удостоилась интервью «самого» М.С. Горбачева. Каждый новый шаг СССР к гибели сопровождался и новым шагом навстречу Сухарто, ни на миллиметр не отступавшему от фашиствующего антикоммунизма.

С неотвратимостью бумеранга при падении СССР повторилось немало черт гибели сукарновской Индонезии. Выступление ГКЧП до мелочей воспроизвело «Движение 30 сентября» и его результат. Мы избежали кровавых рек лишь потому, что советское общество, за десятилетия отвыкшее от классового антагонизма, не было готово к массовому насилию, а контрреволюция могла обойтись подавлением отдельных очагов сопротивления. Но характерно, что республики, не успевшие забыть вооруженного противостояния классов, – от Молдавии до Таджикистана, от Грузии до Украины – все же испытали, кто сразу, кто позже, террор по сути тех же «эскадронов смерти».

История, сменив вектор с восходящего на нисходящий, парадоксально спутывает «начала и концы». За добившим Советский Союз подобием «Движения 30 сентября» последовало уже в «новой России» нечто весьма похожее на путь, приведший Индонезию к трагедии. Чем дальше, тем разительнее сходство, даже терминологическое. Тут и замена непопулярной в народе «либеральной демократии» на «управляемую» (у Сукарно была «направляемая») с превращением парламента в цех штамповки правительственных заготовок. И кооптация режимом правой и левой оппозиции, кроме немногочисленных «крайних». И голубая мечта исполнительной власти – править вообще «без вмешательства оппозиции». И отделение «плохого» кабинета от «хорошего» президента, с проектами «правительства народного доверия». И тщетные поиски «самобытной» национальной идеи. И заигрывание как власти, так и оппозиции с клерикальным фундаментализмом, готовым при случае сожрать и ту, и другую. И даже подмена решения социально-экономических проблем искусственным спортивно-строительным бумом. И, само собой, культ «национального лидера» – как же без него?

Похоже, что события увлекают «новую Россию» на путь старой Индонезии и в международном плане. Сукарновская идеологема «*вновь нарождающихся* (англ. emergent, исп. emergentes) сил» неосознанно или осознанно применена к России и ее партнерам по БРИКС. Ускоренно повторяется и путь флагмана «новых нарождающихся» к конфронтации со «старыми установившимися». Воссоединение Крыма до боли похоже на воссоединение Ириана, российско-украинское противостояние – на индонезийско-малайзийское, донбасские республики – на Республику Северный Калимантан, Приднестровье – на Восточный Тимор, санкции против России – на санкции против Индонезии, отношения с КНР – на них же, сирийско-турецкий узел 2015 г. – на общую «конфронтацию» в ЮВА 1965 г. Сходство простирается, случайно или не случайно, даже на хронологию: днем начала российской операции в Сирии стало 30 сентября. Сопоставимы готовность народа к защите Родины, роль коммунистов в повстанческом движении, отношение к нему власти, социально-экономические и внутривнутриполитические последствия как «конфронтации», так и «переговоров». Индонезийский опыт драматически напоминает, как опасно попасть в плен фразы, подменить решение социально-экономических проблем и вопроса о власти видимостью «консолидации» общества посредством внешнеполитических кампаний и пропагандистской трескотни. Он предостерегает, что свертывание демократии, даже мотивируемое защитой суверенитета и целостности страны, при сохранении буржуазного строя может сыграть на руку фашизму.

Не переоценивая подобия исторических ситуаций, нельзя и пренебречь им, ибо его основа в данном случае объективна. Разрушение социализма насильственно вернуло российское общество туда, откуда не смогла выйти сукарновская Индонезия, – к буржуазно-олигархическим и государственно-капиталистическим отношениям в специфическом варианте, основанном на экспорте углеводородного и прочего сырья на внешние капиталистические рынки. Превращая частный капитализм в компрадорский, а государственный – в бюрократическо-коррупционный, подобная ситуация обрекает общество на застой и гниение, страну – на безысходную зависимость. Привязывая «верхи» к международному финансовому капиталу, она генерирует и серьезные противоречия между ними. Сходство, вытекающее из

экономического базиса, усиливается спецификой социально-политической надстройки. Адекватный капиталистическому развитию механизм власти буржуазии как консолидированного класса в обоих случаях отсутствует: в первом – ввиду недавнего распада колониальной системы и особой силы народного революционного движения, во втором – вследствие столь же недавнего падения ранней формы социализма и огромности **ее** социально-культурного наследия. Отсюда и общие опасности.

Пожалуй, на сегодня главный урок Индонезии касается **приоритетности антифашистской борьбы**. Его актуальность определяется тем, что **фашизм востребуется реакцией не только в период фронтального противоборства с пролетарской революцией, но и в ходе наступления на ее завоевания**. Последнее особенно ярко демонстрируют фашистские тенденции на Украине.

На новом этапе транснационализации капитала, подготавливаемой закрытыми переговорами о тихоокеанском и трансатлантическом «партнерстве», **уже над всеми народами мира нависает угроза насильственного урезания социальных прав до уровня**, навязанного странам Восточной Азии. Эта классовая цель финансовой олигархии объективно требует террористической диктатуры фашистского типа. Именно таковы фундаментальные причины фашизма новейшей «глобальной» модификации, что не мешает ей ассимилировать и правоконсервативный «антиглобализм».

С другой стороны, **в большинстве стран Азии и Северной Африки местный капитал достиг монополистической стадии и сложилась финансовая олигархия**, все чаще делающая заявку на террористическую диктатуру более «традиционного» типа. Обе разновидности фашизма то наступают на свободу народов единым фронтом, то сталкиваются между собой, тиражируя в глобальном масштабе «ночь длинных ножей» или провокационное убийство индонезийских генералов.

Международный опыт показывает жизненную важность единства действий всех противостоящих фашизму сил, в том числе тех кругов буржуазии, которые не заинтересованы в фашистской диктатуре. Высшей формой единства выступает антифашистский народный фронт.

Однако исторический опыт, в частности индонезийский, свидетельствует и о том, что в борьбе с фашистской угрозой

не может быть по-настоящему действенным единство, навязываемое сверху, сковывающее организацию и инициативу трудящихся. Такого сорта «единение» особенно опасно для коммунистов, ибо лишает партию политической самостоятельности, подчиняет бюрократической опеке, а в критический момент – «выдает головой» беспощадному врагу. Антифашистский союз с буржуазными и мелкобуржуазными кругами, особенно правящими, продуктивен лишь при условии обеспечения демократических прав трудящихся и их организаций, максимально возможной защиты социально-экономических прав пролетариата и средних слоев, способности и воли к реальным мерам против главного врага.

¹ Ленин В.И. Из дневника публициста / ПСС, т. 34, с. 257.

² <http://brecha.com.uv/>

³ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше /ПСС, т.45, с.408.

⁴ Энгельс Ф. – А. Бебелю, 18 января 1884 г. /Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.36, с. 78-79.

⁵ См.: Ленин В.И. Тетради по империализму /ПСС, т. 28, с. 153; Империализм, как высшая стадия капитализма /ПСС, т. 27, с. 368.

⁶ Ленин В.И. Пробуждение Азии. ПСС, т. 23, с. 145-146.

⁷ Ленин В.И. О «программе мира» /ПСС, т. 27, с. 273.

⁸ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии /Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 7, с. 413.

⁹ Ленин В.И. Пробуждение Азии. ПСС, т. 23, с. 146.

¹⁰ Документ 2. Письмо Сталина Айдиту в ответ на его письмо от 13 января по крестьянскому вопросу. / Архивный шифр РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.316. Л.7-13

¹¹ Энгельс Ф. – К. Каутскому, 16 февраля 1884 г./ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 97.

¹² Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М.: 1975. С. 98.

¹³ Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно: Политическая биография. М.: 1980. С. 134.

¹⁴ Там же. С. 143, 150.

¹⁵ Там же. С. 155.

¹⁶ Там же. С. 167.

¹⁷ Там же. С. 170.

¹⁸ Там же. С. 191.

¹⁹ Там же. С. 171.

²⁰ Там же. С. 178.

²¹ Там же. С. 187-190.

²² Там же. С. 193.

²³ Там же. С. 195.

²⁴ Там же. С. 209, 212.

²⁵ Там же. С. 197.

²⁶ Мирский Г.И. С. 93.

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ Капица М.С., Малетин Н.П. С. 166, 168.

²⁹ Мирский Г.И. С. 106.

³⁰ Цит. по: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 173.

³¹ Мирский Г.И. С. 111-112.

³² Капица М.С., Малетин Н.П. С. 180.

³³ Цит. по: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 216.

³⁴ Капица М.С., Малетин Н.П. С. 185-86.

³⁵ Цит. по: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 220.

-
- ³⁶ Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня. М.: 1984. С. 246.
- ³⁷ Там же. С. 239.
- ³⁸ С января по сентябрь ее товарооборот с СССР составил 231,5 млн. ринггит, причем на малайзийский импорт приходилось всего 9, 2 млн. См.: Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня. М.: 1984. С. 246.
- ³⁹ Цит. по: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 235.
- ⁴⁰ Ленин В.И. О революционной фразе / ПСС, т. 35, с. 353.
- ⁴¹ Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с.28.
- ⁴² См.: Коммунист, 1968, № 15, с. 113.
- ⁴³ Ленин В.И. Крах II Интернационала / ПСС, т. 26. С. 218-219.
- ⁴⁴ Капица М.С., Малетин Н.П. С. 238-240.
- ⁴⁵ Ленин В.И. XI съезд РКП (б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. Политический отчет Центрального комитета РКП (б) 27 марта / ПСС, т. 45, с. 98.
- ⁴⁶ Капица М.С., Малетин Н.П., с. 228.
- ⁴⁷ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС, т. 41. С. 70.
- ⁴⁸ Цит. по: Мирский Г.Г. С. 109.
- ⁴⁹ Цит. по: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 244.
- ⁵⁰ См. там же, с. 243-244.
- ⁵¹ Цит. по: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 248.
- ⁵² Ленин В.И. Крах II Интернационала / ПСС, т. 26, с. 219. 34, 264
- ⁵³ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме /ПСС, т. 41. С. 77-78, 81.
- ⁵⁴ Ленин В.И. 34, 264
- ⁵⁵ Ленин В.И. Советы постороннего / ПСС, т. 34, с 383.
- ⁵⁶ Ленин В.И. Советы постороннего / ПСС, т. 34, с 383.
- ⁵⁷ Ленин В.И. /ПСС, т. 34, с. 216.
- ⁵⁸ Ленин В.И. Марксизм и восстание /ПСС, т. 34, с. 243.
- ⁵⁹ Там же, с. 247.
- ⁶⁰ Там же, с. 245.
- ⁶¹ Ленин В.И. О конституционных иллюзиях / ПСС, т. 34, с. 40.
- ⁶² [http://gruzdoff.ru/wiki/Коммунистическая партия Индонезии](http://gruzdoff.ru/wiki/Коммунистическая_партия_Индонезии)
- ⁶³ См.: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 262.
- ⁶⁴ См. там же, с. 295.
- ⁶⁵ <http://brecha.com.uy/>
- ⁶⁶ Alberto Rojas Andrade. El "Plan Yakarta" y sus efectos en Latinoamérica. <http://www.pagina12.com.ar/diario/elpais/1-255128-2014-09-12.html>
- ⁶⁷ Kahin, George McT. and Kahin, Audrey R. Subversion as Foreign Policy: The Secret Eisenhower and Dulles Debacle in Indonesia. New York: The New Press, 1995.
- ⁶⁸ Alberto Rojas Andrade. El "Plan Yakarta"
- ⁶⁹ См.: <http://brecha.com.uy/>
- ⁷⁰ http://www.prensa-latina.cu/index.php?option=com_content&task=view&idioma=1&id=4416471&Itemid=1
- ⁷¹ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше /ПСС, т. 45, с. 404.
- ⁷² См.: Капица М.С., Малетин Н.П. С. 235.
- ⁷³ Alberto Rojas Andrade. El "Plan Yakarta".
- ⁷⁴ Лишь в ноябре 2015 г. в Бангладеш приведен в исполнение смертный приговор двоим военным преступникам, считавшихся до недавнего времени «лидерами оппозиции».
- ⁷⁵ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский /ПСС, т.37, с.271.
- ⁷⁶ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС, т. 41, с.15.